

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Дмитрий Александрович Емец

Таня Гроттер #7

Пробил час, когда магические артефакты приобретают огромную силу. Некто подбрасывает волшебную книгу начинающему магу Генке Бульонову и вынуждает его произнести грозное заклинание. Основная ставка делается на жезл «Похититель душ». При прикосновении к груди жезл забирает душу, оставляя невредимым тело, в которое может вселиться любой другой маг. По непонятным причинам хмыри начинают охотиться за старинным портретом Ноя, что уже многие столетия благополучно покрывается пылью на Главной Лестнице Тибидохса... А тем временем решается вопрос жизни и смерти: кого же выберет Таня? Ваньке Валялкину и Гурию Пупперу надоедает неопределенность. Только дуэль – магическая дуэль по суровым древним правилам – может поставить последнюю точку в этом затянувшемся романе. Итак, третий лишний или третий мертвый?..

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Все это ваше волнение и мысленная борьба есть больше ничего, как дело общего нашего приятеля, всем известного, именно – чорта. Но вы не упускайте из виду, что он щелкопер и весь состоит из надуванья... Вы эту скотину бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он – точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечет, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад – тут-то он и пойдет храбриться. А как

только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана... Пословица не бывает даром, а пословица говорит: Хвалился чорт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти.

Н.В. Гоголь

Глава 1

НЕ ХОЧУ БЫТЬ ЛОПУХОИДОМ

Жизнь счастливого человека – это полоса сверхзадач.

Дождь барабанил в стекло. Шторы из предосторожности были плотно задернуты. Мама спала у себя в комнате через стену, но даже во сне ухитрялась замечать свет в соседнем окне, тускло разливавшийся по стене дома. Генка Бульонов, терпеливо дождавшийся, пока она заснет, метался теперь по тесной комнатке. В могучей груди почти двухметрового пятнадцатилетнего лоботряса кипящей ртутью бурлило негодование. На соседней улице Ленка Мумрикова отмечала день рождения. Мумрикова, выбившаяся из шестерок в тузы после необъяснимого исчезновения Пипы Дурневой, не мелочилась. Родители были сосланы на дачу без права возвращения. Весь класс – а Ленка пригласила всех, не больше и не меньше – собирался гудеть всю ночь.

Весь класс, за вычетом Генки. Мама считала, что ему полезно ложиться спать в десять часов. «Ты у меня такой слабенький!» – повторяла она, хотя в последний раз Бульон болел гриппом в третьем классе, про остальные же болячки знал только из энциклопедического словаря.

И вот теперь было уже два часа ночи. Мама давно спала, а Генка, раздраженный, как болотный хмырь, бегал по комнате и страдал. Ослушаться маму – об этом он даже помыслить не мог. При малейшей попытке неповиновения она вначале говорила колючим голосом, затем глотала сердечные лекарства и, наконец, принималась плакать – Генка же ощущал, что его потрошат заживо.

Мама у Бульона была особа экстраординарная. Ее вполне можно было занести в реестр уникальных, астрально опекаемых лопухоидов, тщательно пополняемый белым магом Агриппой IV с 1094 года. Генка поднимал донышком кверху гирю в двадцать четыре килограмма, а она мазала зеленкой каждый его прыщик, превращая его в нечто среднее между жабой и ягуаром. Бульон забрасывал в корзину мяч через всю баскетбольную площадку, а она водила его в школу за ручку и требовала носить шапку с помпоном до середины мая.

Вспомнив об этом, Генка взвыл и в животной тоске толкнул стол. На пол обрушилась стопка книг по оккультизму. Запестрели руны, коварно замигали алкогольными градусами астрологические таблицы. Бульонов наклонился. Верхняя книга была открыта где-то на середине. Расправляя подогнувшуюся страницу, Генка выхватил из текста следующую фразу:

«В самое ближайшее время вас ждут крупные неприятности».

Генке это не понравилось. В третьем часу ночи он всегда становился излишне впечатлительным. Страшнее скоростижной смерти для него были лишь утепленные стельки и жилетка с красными лошадками, которую мама подарила ему на день рождения. Он закрыл глаза, забродил пальцем по странице и, уткнувшись наобум в одну из строк, вновь прочитал:

«...коренной перелом в судьбе и дальняя дорога...»

Суеверный Генка задышал через нос. А тут еще, словно насмехаясь, кто-то энергично забарабанил в окно восьмого этажа. Форточка распахнулась. Тюлевые шторы вздулись и опали. Генка явственно увидел длинную белую руку, которая, просунувшись в форточку, потянула задвижку рамы. Бульон от ужаса заорал и закрыл глаза.

– Ты чего, с дуба рухнул? Своих не узнаешь? – прошипел кто-то.

Генка перестал орать и открыл один глаз. На подоконнике сидела Гробыня и, положив подбородок на руки, с интересом изучала его. На коленях у Склеповой лежала труба пылесоса. Сам пылесос стоял рядом.

«Вот это девчонка! Карабкаться на восьмой этаж, да еще с пылесосом!» – ошарашенно, но одновременно с восторгом подумал Генка.

– Бульон, а Бульон! Лапочка, дай попить, а то так есть хочется, что переночевать негде! – насмешливо попросила Гробыня.

Генка заметался. Чтобы попасть ночью на кухню, нужно пройти мимо комнаты чутко спящей мамы, что было опаснее фронтовой разведки. Застигнутый врагом разведчик хотя бы успевал застрелиться. К счастью, Склепова шутила: пить ей не хотелось. Разве что пива с Гломовым.

– Чего молчишь, как карась? А «здрасьте» кто будет говорить? Девушка может обидеться! – пригрозила Гробыня.

– Здрасьте! – послушно повторил Бульонов.

– Ну спасибо, облагодетельствовал молодую и красивую! А теперь сразу говори «до свиданья»! Или на худой конец «чао-какао». Ну-с, я жду! – распорядилась Склепова.

Генка растерялся. Он никак этого не ожидал.

– Попрощаться? Так сразу? А как же...

– А ты на что надеялся, котик? На романтическое трио: ты, я и луна? – проворковала Гробыня. – Я за этим и залетела, чтобы попрощаться. Я возвращаюсь в Тиби... Впрочем, тебе не важно знать куда... Если у тебя есть какие-то другие прощальные слова, я внимательно слушаю!.. Нету слов? Хм... Ну тогда будем работать по сокращенной программе. Так и быть, можешь меня поцеловать!

– Поцеловать? – изумленно переспросил Бульонов. До сих пор он целовал только маму и иногда бабушку. Это было тоже полезно в своем роде, хотя они и не летали на пылесосе.

– О нет! Он и этого не умеет! – простонала Склепова. – Ну да, поцеловать! У тебя бумага есть?

– За-зачем бу-бумага? – не понял Генка.

– Как зачем? Я тебе схемку нарисую!

– Не надо! – отважно отказался Бульонов.

Он неуклюже приблизился, помялся и, набравшись храбрости, клюнул Гробыню в щеку. При этом обнаружилось, что он выше ее на две головы.

– И это все южные страсти? Эх ты, вечная мерзлота! Девушка с тобой плесенью покроется! Робкий ты, Бульон, какой-то! – разочарованно хмыкнула Склепова.

– А ты не робкая? – обиделся Генка.

Гробыня вздохнула:

– Ах, Бульон, я прошла суровую жизненную школу! У меня была не жизнь, а сплошная азбука выживания! Одна Гроттерша извела тонны моего драгоценного здоровья.

– Гроттерша? – удивленно переспросил Генка. Хотя прошло много лет и его память была магически блокирована, слово «Гроттерша» странным образом взволновало его, пробудив целую бурю неясных чувств.

Однако Гробыня не была расположена перемывать Таньке кости. Предстоящий перелет в Тибидохс настраивал ее на сентиментальный лад.

– И не только Гроттерша... В сущности, Гроттершу очень даже можно выносить, если не трогать ее контрабас и не катить бочку на ее родственничков! – продолжала она, нежно обнимая трубу пылесоса. – Моя школа началась с моего братца. Я тогда еще жила среди лопухоидов, а у меня был колоритный двоюродный братец. Подрощенная такая сволочь, на три года старше... Наши родители в то время жили вместе, и их вечно не было дома. Они то заказывали венки, то устраивали могильщикам профилактический разбор полетов, чтобы они не охамели.

– Охамели?

– Ну, большая такая ритуальная халява, – нетерпеливо и еще непонятнее пояснила Гробыня. – Меня оставляли вместе с братцем, и он отрывался на полную катушку. В лучшем случае он меня щипал, в худшем пинал. У меня, извиняюсь, вся попа была в синяках. Помню, я два часа просидела, запертая в туалете, потому что к нему пришли приятели, они играли в карты и я им, видите ли, мешала. Вначале я рыдала, потом колотила в дверь, а они только ржали... А затем я услышала, как они открыли шкаф и выбрасывают оттуда мои вещи, а потом стали ломать отверткой замки, чтобы залезть в мой стол. Это был уже финиш... Я совсем озверела. Почти не помню, что дальше было. Я заорала, и вдруг дверь вылетела сама собой, хотя я к ней и не прикасалась. Даже не с треском вылетела, а почти без шума – пук! – будто пробка. Потом родители удивлялись – петли точно ножом срезало. Я ворвалась в комнату. Их там было четверо. Они уже бросили играть в карты и были все у моего стола. «Это ты, Гробыня? А ну, песик, на место! Марш в туалет!» – сказал мне братец. И тут...

Склепова сжала и разжала ладони. Щеки у нее пылали от негодования. Она заново переживала тот миг.

– Не важно, что было дальше... Ты, Бульон, личность ранимая, не буду тебя грузить. Скажу лишь, что к тому моменту, как меня забрали на темное отделение, брат и его приятели не просто меня уважали. Они меня чудовищно уважали! Чуть ли не тапочки носили в зубах, не говоря уже о прочем!..

Неожиданно в рюкзаке у Склеповой заверещал зудильник.

– А это еще что? Кто меня дергает? – буркнула Гробыня.

Пока она открывала рюкзак и рылась в нем, зудильник едва не лопнул от негодования. Бульонов с изумлением смотрел на плоское блюдо, производившее назойливые звуки. Гробыня на секунду задумалась, соображая, не совершает ли она чего-то непоправимого, отвечая по зудильнику при лопухоиде. Но врожденное разгильдяйство победило. Склепова махнула рукой, словно говоря: ладно, чего уж там?! Какие тут тайны?

– Гробыня? Ты куда подевалась? – появляясь на блюде, с возмущением произнес Готфрид Бульонский.

– Да здесь я, здесь! Чего трезвонить-то? – недовольно сказала Склепова. К Спящему Красавцу она всегда относилась малость прохладно.

– Как ты со мной разговариваешь? Я звоню по просьбе Зуби... К тебе вернулась магия?

– Да вроде, – проворчала Гробыня, опасливо косясь на Генку.

– Сарданапал тебя ждет! Ты летишь в Тибидохс или нет?

– Уже лечу! Разве не видно? – сказала Склепова.

– Летишь? Ты уверена? А почему я вижу занавески? – подозрительно спросил Готфрид.

– Занавески? Какие занавески? Это тучки так глючат! – пояснила Гробыня и, сохраняя на лице невинное выражение, принялась энергично трясти зудильник.

– Что случилось? Почему ты рябишь? – удивился Готфрид.

– Алло, гараж! Помехи связи!.. Я скоро буду! – заявила Гробыня и, поспешно отключившись, нахмурилась. – Вот дурак этот Готфрид! Прямо капитальный! – задумчиво сообщила она Генке. – Попробуй я выкинуть такую штуку с его женой, мне все каникулы пришлось бы изучать жизнь крыс.

– Это как? – не понял Бульон.

– А так. Изнутри шкурки. Или еще хуже: все пальцы на руках превратились бы в дождевых червей... Вообрази, мерзко, да? Одна радость: отшибает аппетит не тебе одной.

Генка Бульонов изумленно заморгал. Во все глаза он смотрел на говорящее блюдо.

– Это чего такое было, а? – взволнованно поинтересовался он.

– Да так, мелочь! Психованная миска... Не обращай на нее внимания. Кстати, только что в голову пришло. Ты этому не родственник?

– Кому?

– Да Готфриду же! Поднапряги чуток извилины. Бульонов – Бульонский, Генка – Готфрид. Похоже, да? Если разобраться, мир полон копий одного и того же. Порой мне кажется, что на свете живет от силы человек двадцать, но все они для забавы укрываются в разных телах. Я до этого додумалась, когда мне стали попадаться совершенно одинаковые парни. А потом я поняла, что не только парни. Прямо замкнутый круг какой-то. Куда ни пойдешь – встречаешь одно и то же. Иногда мне кажется, что людей в мире не больше, чем карт в колоде.

– Нет, Бульонский мне не родственник! – сказал Генка, которому это сравнение не очень-то понравилось.

Гробыня покачала головой:

– Напрасно. Готфрид вроде аристократ какой-то. Кладов небось в свое время напирал – обалдеть. Можно было бы грузануть его: типа я твой любимый праправнук, приперся стрелнуть чуток деньжат. Грузовик с прицепом...

Мадемуазель Склепова замолчала и зевнула, добавив в зевок немного загадочности. Похоже, мыслями она была уже в Тибидохсе.

– Ну все, Бульон, хорошенького понемножку! Пообщался с девушкой, и цигиль-цигиль ай-лю-лю! – распорядилась она, спрыгивая с подоконника. – Еще целовать будешь? Ты куда целуешь, киса? В лоб целуют покойников, а я еще теплая. Ладно, фиг с тобой, золотая рыбка, плавай дальше! А теперь отвернись!.. Девочке надо кое-что сделать!

Покраснев как рак, Генка послушно отвернулся. Когда же несколько секунд спустя он вновь перевел взгляд на окно, подоконник был уже пуст. Подскочив к окну, пораженный Бульонов успел увидеть, как, выбрасывая из трубы подсвеченную реактивную струю, пылесос быстро уносится к дальним домам. Гробыня, повернувшись, помахала ему рукой.

– Пока, малыш! Слушайся маму! – донеслось до него.

Генка долго и тупо стоял у окна, машинально дергая рукой занавеску. Он был даже не удивлен. Он был раздавлен. Потом отвернулся и сел на пол.

– Сарданапал беспокоится: вернулась ли к тебе магия?.. – повторил он за Готфридом. – Магия... Тибидохс... Магия... Когда же, где же это было?

Генка стиснул виски руками. Голова у него раскалывалась. Ночной визит «мадемуазель Склепофф» и связанные с ним чудеса переполошили его. Старая блокировка, поставленная Медузией, не выдерживала натиска новых впечатлений и трещала по швам. Стирая у Бульонова память после той истории с фигуркой, доцент Горгонова никак не предполагала, что ему вновь придется столкнуться с чем-то выходящим за грань обычного, иначе выбрала бы другое, более глобальное заклинание.

– Летающий пылесос... Нет, тогда был не пылесос. Скрипка? Гитара? Нет, больше! Кон... контрабас... Она же называла его только что: КОНТРАБАС! Я вспомнил... Тибидохс!.. Я тоже мог там учиться, но меня не взяли! Проклятая фигурка! – крикнул он.

В коридоре зашаркали тапки. Поняв, что разбудил маму, Генка торопливо выключил свет и бросился в кровать.

– Не хочу быть лопухоидом! Не хочу! Плохо мне здесь! – шептал он, слушая, как поворачивается дверная ручка.

Вновь вспыхнул свет. Мама стояла в проеме – крохотная, но убийственно решительная.

– Я знаю, что ты не спишь! Не притворяйся!

– А... Что? Где?.. Я спал! – притворяясь, что зевает, недовольно возразил Генка.

– Не ври. Ты даже не щуришься от света. Почему окно открыто? С кем ты разговаривал? – требовательно спросила мама.

– У меня была девушка, – сказал Генка. Порой, чтобы обмануть, проще всего сказать правду.

– В самом деле? И где же она?

– Вышла через окно.

Мама покосилась на раму и хмыкнула. Она реально смотрела на вещи. Девушки, выходящие через окно восьмого этажа, чаще оставляют след на асфальте, чем в чьей-то жизни.

– Больше не смей открывать даже форточку! Форточки, как, кстати, и девушки, придуманы для здоровых людей, а не для таких болезненных, как ты! – проговорила она. – Тебе все ясно?

– Так точно, – басом сказал Генка.

– Не «так точно», а «да, мамочка!».

– Да, мамочка!

– И не вздумай больше включать по ночам компьютер. Твои бредовые книжки я тоже забираю. Получишь после экзаменов, если сдашь все тесты. Большого я от тебя не ожидаю.

Мама плотно закрыла окно, собрала с пола оккультные книги Бульона и, бросив на сына еще один пылливый взгляд, вышла. В комнате сразу стало душно и тошно, как в каземате. Генка лежал и тупо таращился в белеющий над ним потолок.

– Я не лопухоид... Не лопухоид! Не хочу здесь, хочу в Тибидохс! – повторял он одними губами.

Мама давно спала праведным сном инквизитора, только что спалившего десяток ведьм, а Бульон все смотрел в потолок и повторял, повторял, повторял одно и то же. Никогда и ничего прежде он не желал с такой чудовищной силой. Он почти зримо ощущал, как потоки желания отрываются от него и бомбардируют

Вселенную, просачиваясь во все миры.

И с каждым новым повторением что-то менялось в самом Бульоне независимо от его воли. Его магические способности, столько лет заблокированные, пробуждались. Скорлупа привычного уклада трескалась, уступая место чему-то новому. В состоянии полуяви-полусна Генка ощущал себя коконом, от которого отходят десятки и сотни нитей, излучающих пульсирующий свет. И каждая нить, всё, что она пронизывала, было тоже им, Генкой Бульоным. Странное, противоречивое чувство овладело им. Генке чудилось, что он увеличился до размеров Вселенной и одновременно съёжился и стал крохотным, как горчичное зерно.

– Я не лопухоид... Я хочу в Тибидохс... Когда это, наконец, кончится? – бормотал он, терзаемый противоречиями.

И вот под утро, когда Генка, утративший уже счет времени, провалился в сон, что-то полыхнуло вдруг. Бульоному смутно померещилось, что это мама вошла и включила свет. Рядом со стулом на ковре, зеленовато мерцая, лежала книга размером примерно с ладонь. На переплете из светлой кожи кое-где плясали пятна плесени. В центре обложки помещался серебряный скорпион.

Клеймо тибидохской библиотеки, которым джинн Абдулла проштамповал все без исключения волшебные книги на Буяне, отсутствовало. Бульонова это не насторожило. Он не имел еще счастливой возможности познакомиться с милейшим Абдуллой и его трогательными привычками.

Ощущая в пальцах нервную дрожь, Генка потянулся к книге. Но не успел он прикоснуться к ней, как скорпион ожил и угрожающе загнул хвост. Книга распахнулась на первой странице. Бульонов увидел ограду из деревянных кольев. Почти на каждом висела высушенная голова. На крайней же голове, по виду самой свежей, с длинной белой бородой, кроме того, красовалась еще магфордская шляпа.

«Мы стремились узнать больше, чем Книга Рока собиралась показать нам», – прочитал Бульонов. Надпись была сделана рунами, но от рун поднимались тонкие лучи света, сплетавшиеся в воздухе в привычные буквы.

– Я не хочу ничего знать, – быстро сказал Бульонов.

Книга Рока разочарованно зашелестела страницами. Некоторое время она боролась с собой, а потом выругалась по-древнеиндийски и с напором сообщила:

«Нет, ты хотел! Не скрывай, маг! Я видела: ты протянул руку!» – появилось на камне, и пустые кольца перестали подпрыгивать в ограде.

Генка быстро попятился. Он уже сообразил, что у книги не все в порядке с психикой. Она слишком неравнодушна к человеческой крови.

«Думаешь, от меня можно убежать, а, маг?» – умилилась книга, и Генка внезапно понял, что стоит на эшафоте, а рядом в дубовой колоде торчит большой, далеко не стерильного вида топор.

– А-а-а! Нет! Я не маг! – крикнул Генка.

«Как не маг? – не поверила книга. – Если бы ты был лопухоид, ты бы меня попросту не увидел. Так что... давай, милый, не волынь...»

– Я не маг! У меня нет ни кольца, н-ничего! – стуча зубами, заикнулся Бульон.

Книга Рока встревожилась. Оживший скорпион с обложки невесть как оказался на Генкиной шее и деловито пополз к вене. Здесь он замер, слушая, как пульсирует кровь. Генка обреченно ожидал укуса, но нет... Внезапно скорпион вновь стал серебряным и скатился с шеи Бульонова. Теперь он лежал на полу лапками кверху. Эшафот исчез. Дубовая колода с топором вновь прикинулась заурядным креслом, на спинку которого Генка по идиотской привычке вывешивал на ночь носки и домашние брюки.

«Мне не суждено тебя убить! – грустно сообщила Генке книга. – Час, когда я встречу мага без кольца, который не произнес еще ни одного заклинания, должен стать последним часом Книги Рока!.. Это упомянуто на моей последней странице. Меня заманили в ловушку, и я проклинаяю ту, что это сделала! Сейчас же подойди и ничего уже не опасайся».

Генка осторожно приблизился. Страницы Книги Рока начали быстро переворачиваться. Мелькали руны и иллюстрации. Дважды или трижды Генка случайно замечал на страницах такое, от чего его желудок едва не

выворачивался наизнанку. Например, схема извлечения желчи из живого лопухоида или сервировка стола при подаче на стол маринованного, чуть источенного червями покойника. Анатомический атлас в сравнении с этим показался бы просто книжкой для самых маленьких.

Внезапно Книга Рока перестала перелистывать страницы и мгновенно увеличилась в три или в четыре раза. Теперь лучи света уже не плясали в воздухе. Руны торопились превратиться в привычные буквы.

АРТЕФАКТЫ ВОЛШЕБНОГО МИРА

Магоногая курица. Копченая курица, от которой можно бесконечно отламывать ножки и крылышки – они немедленно возникают вновь. Служит для провианта магических армий наряду со скатертями-самобранками. Немедленно оживает, теряет магические свойства и улетает при случайном прикосновении раскаявшегося вегетарианца. По этой причине магоногие курицы ныне большая редкость.

Галера демонов. Деревянная заколдованная галера, на которой гребцами являются духи-демоны. На борту галеры можно рассмотреть девиз: *Semper in motu!*[1 - Всегда в движении (лат.)] Позволяет быстро и с относительным комфортом перемещаться по воздуху или воде на любые расстояния. Главное условие: на галере нельзя спать, хотя монотонный скрип весел сильно убаюкивает. Заснувший на галере сам превращается в духа-демона и становится одним из гребцов. Вызывается заклинанием Матросиус.

Многоболтательный магвокат. Магвокат, на которого наложено заклинание многоречивости Ораторис демагогис. Средняя скорость речи до тысячи шестисот слов в минуту. Время речи не ограничено и может продолжаться от одного месяца до тридцати трех лет, при этом магвокат ни разу не повторяется. Самое жуткое, что заклинание многоречивости продолжает действовать и после наступления клинической смерти магвоката, вследствие чего погребение чаще всего производится в звуконепроницаемых гробах.

Жезл «Похититель душ». Короткий жезл, заканчивающийся шаром в форме глазного яблока. При прикосновении к груди жезл забирает душу, оставляя невредимым тело, в которое может вселиться любой другой маг, готовый покинуть свое тело или уже покинувший его. Получил печальную известность во времена войн с нежитью, когда с его помощью был убит кентавр Тересий, союзник Древнира, а в его тело вселился шпион Чумы-дель-Торт. В результате кентавры вступили в войну на стороне нежити, что привело к ужасным последствиям. Были сбиты две летающие крепости магов, а астральная защита Тибидохса существенно повреждена.

Магия жезла является запрещенной. Сам жезл объявлен вне закона и находится в розыске. Последний раз жезл видели в начале семнадцатого века в Венеции в лавке запрещенных магических предметов. Вскоре лавка была уничтожена агентами Магшества, однако жезл пропал. Его дальнейший след потерян.

Ноев ковчег. Один из древнейших артефактов. Корма из ливанского кедра. Остальная часть ковчега изготовлена из магических деревьев, существовавших на Земле до великого потопы и позднее не возобновившихся. По преданию, эти деревья, в свою очередь произошедшие от деревьев эдемского сада, умели говорить, передвигаться и содержали огромные запасы волшебства.

При строительстве ковчега Ноем использован эффект пятого измерения. Изнутри ковчег значительно больше, чем снаружи. Представляет собой лабиринт с большим количеством отдельных помещений, способных вместить до 100 000 видов различных живых существ. После окончания великого потопы долгое время использовался как хранилище магических предметов. Позднее большая часть ковчега была сожжена молнией во время великой грозы, насланной ЧдТ и продолжавшейся полтора года.

В коллекцию Ноева ковчега входил один из важнейших артефактов, известный как пенсне Ноя, наделенный рядом уникальных волшебных свойств. В последнюю ночь великой грозы пенсне пропало бесследно. Однако доподлинно известно, что в руки к ЧдТ оно не попало.

Из уцелевших после грозы досок ковчега магами Средневековья изготовлен ряд волшебных предметов. Один из них – контрабас Леопольда Гроттера, предмет уникальнейший, но своенравный, крайне неохотно расстающийся со своими

тайнами. Значительная часть его свойств осталась неизвестна даже его создателю Л. Г.

Генка облизал губы. В висках у него стучало. Чудилось ему, что он стоит перед дверью, распахнутой в далекий и чудесный мир. Собираясь перевернуть страницу, Бульонов протянул было руку, но замешкался, вспомнив крутой нрав книги.

И тут внезапно все руны разом пришли в движение. Прежний текст, повествующий об артефактах и магических предметах, исчез. Теперь в центре страницы осталось лишь несколько фраз. Буквы были острые и тонкие, точно сложенные из кос и виселиц. Бульону казалось: они приплясывают ехидно и пакостно.

«ТЕБЕ СКВЕРНО СРЕДИ ЛОПУХОИДОВ, НЕ ТАК ЛИ? ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ВСЕ ИЗМЕНИЛОСЬ? ПРОИЗНЕСИ: АИДУС ЛЕТА ХАРОНУМ ТАНТАЛУМ!» – прочитал Бульонов.

Надо отдать Генке должное, он все же засомневался, стоит ли ему произносить это мрачное заклинание. Но все же это была единственная связь с чудесным миром. Единственная нить и единственный шанс. А тут еще мама зашевелилась за стеной и отчетливо произнесла во сне: «Гена, не смей снимать шарф!»

И Генка решился. Отчасти из-за мамы, отчасти потому, что то, что окружало его – все эти серые пятна реальности, тусклые люди, дежурные фразы и колючие запреты, – давно уже ему обрыдло.

– Аидус лета харонум танталум! – громко и не раздумывая произнес он.

Генка и не подозревал, что на самом деле он использует грозное древнее заклинаниевызова из Потустороннего Мира. Заклинание, которое может иметь силу, только если станет первым заклинанием, которое произнесет начинающий маг.

Волшебного перстня у Бульонова не было, зато присутствовал магический дар. Искру же выбросила сама Книга Рока. Причем такую, что ее ветхие страницы не

выдержали слишком яркой вспышки. Обложка вспыхнула и обратилась в пепел. Еще миг – и осыпались страницы. Древняя черномагическая книга перестала существовать, но это уже ничего не могло изменить. Осыпаясь, пепел успел еще сложиться в надпись:

«Берегись хозяйки скорпиона!»

* * *

Пока Генка тупо смотрел на пепел, размышляя, кто такая хозяйка скорпиона, комната вдруг заполнилась мятущимся оранжевым пламенем. Генку обдало сухим жаром. Бульонов торопливо оглянулся.

Четыре блика света – отблески раздробленного рамой уличного фонаря – собрались воедино. Обрели объем и плоть. Что-то неуловимое пронеслось по комнате, раздуло шторы, холодным и одновременно обжигающим дуновением коснулось лица Бульонова. Посреди комнаты появилась страшная старуха, сотканная из пламени. Ее тело было из белого огня, лицо с тонкими чертами – из желтоватого огня, длинные же волосы струились по плечам испепеляющими языками. На месте рта и глаз зияли черные провалы, в которых вспыхивали и гасли колющие алмазные огни.

– Фесих ригам хора афоал! – усмехаясь, произнесла она и протянула огненную руку.

Рука вытянулась, пересекла комнату и коснулась волос отпрянувшего Бульонова. В следующий миг Генке почудилось, что старуха вспыхнула еще ярче, взвилась к потолку потоком искр и вдруг втянулась к нему в голову через ухо. Бульонов закричал и стиснул руками виски. Он ожидал жгучей боли, но боли не было. Лишь прошелестел смех, чужой неприятный смех, похожий на звук наждачной бумаги.

Генка покачнулся и схватился за голову. Примерно минуту он простоял так, а потом дико уставился на свои ладони, будто видел их впервые. Теперь он помнил лишь, что вечером лег в кровать, к нему прилетала Гробыня и он прочитал несколько страниц из Книги Рока. А все то, что было после, напрочь изгладилось у него из памяти.

Вытирая пот со лба, Бульон с удивлением обнаружил, что концы волос у него обгорели. Что-то звякнуло у него под ногой. На ковре лежала вполне заурядная брошка в виде серебряного скорпиона. Генка хотел подобрать ее, но брошка вдруг заалела и, мигнув, исчезла.

Ничему уже не удивляясь, Генка, едва раздевшись, рухнул на кровать и сразу уснул.

Глава 2

ИСКРИС ФРОНТИС ФОРТЕ

В первую пятницу мая Безглазый Ужас в подвале перестал душераздирающе стонать и греметь кандалами. По грудь втянувшись в пол, призрак заинтересованно уставился на каменную стену, на которой сами собой проступили кровавые пятна.

– Это та самая стена... Скоро что-то будет... – сказал он с нехорошим смешком.

Почти в ту же минуту тремя этажами выше Великая Зуби с удивлением разглядывала руны, вышедшие только что из-под ее пера. Эти грозные, точно сотканые из пламени руны совсем не походили на заурядные руны угрызений совести, которыми Зуби собиралась усювестить своего мужа Готфрида за то, что он слишком засмотрелся за ужином на Медузию.

«Хм... Хотела бы я знать: что это означает и как меня угораздило?» – подумала Зуби. Она попыталась стереть руны, но те стремительно разбежались от ее ладони. В этот момент Зуби впервые посетило нехорошее предчувствие.

Недолеченная Дама томно выплыла на стену Тибидохса и посмотрела на луну. Луна была красная и плоская. Она точно прилипла к горизонту, окрашивая океан в алый цвет. Взгляд Недолеченной Дамы мечтательно затуманился.

– Такая луна была в день, когда мое сердце перестало биться. Жаль, нельзя заново пережить этот волнующий момент... – произнесла она.

Рядом кто-то хмыкнул. Повернув голову на сто восемьдесят градусов, что было бы весьма экстремально для простого смертного и даже живого мага, Дама увидела поручика Ржевского.

– Bon soir, мамуля! Опять скорбим?.. А я вот даже не помню, как умер. Стоит наш гусарский эскадрон полевым лагерем. Гусары, значит, у костров, то-се, кашку, картошечку, а мы, офицеры, в палатке у эскадронного, лихой был рубака. Как раз случился день его ангела. Ну выпили бутылочку-другую за нашу победу... В общем, только нам хорошо стало, а тут часовой стреляет. Французы! Ну я выскакиваю из палатки, прыгнул на коня, саблю наголо – и в бой. Лечу, рублю направо и налево, крошу всех в капусту. Демон тьмы, властитель боя! Неприятель в ужасе! О моей отваге, мамуля, слухи ходили! Меня сам государь отличал! И вдруг вижу – несется мне навстречу толстый французский кирасир. Я увернулся от его удара и всадил ему клинок снизу под кирасу, да только вдруг смотрю: моя сабля проходит сквозь француза, а он даже не замечает. Я лечу дальше – и та же история. Бой идет, я сражаюсь как лев, проявляю чудеса героизма – и ничего. Тут я оглядываюсь и, вообрази, обнаруживаю, что меня убили. Весь окровавленный я лежу на траве, сжимая в руке саблю, а мой верный конь стоит рядом и жалобно так толкает меня мордой...

Поручик душераздирающе вздохнул и покосился на Даму. Недолеченная Дама, никогда не упускавшая случая проронить слезу, сострадательно всхлипнула и начала было деловито отжимать носовой платок перед новыми, уже более продолжительными рыданиями, но, внезапно спохватившись, с сомнением воззрившись на мужа. Она всегда почему-то думала, что он служил в пехоте. Правда, иногда воображение переводило его в артиллерию. Теперь же выплыли вдруг новые подробности.

– Постой-ка, а ножи?.. Ты же утверждал, что тебя зарезали на балу? – сказала она.

Ржевский закашлялся.

– Кгхм-кхх... В самом деле? Э-э... Так и быть, признаюсь. Только для тебя. После того случая с ножами я выжил. Меня спас наш полковой доктор. Гений, мамуля, просто гений. Напоил водкой до бесчувствия и штопал всю ночь. Подумаешь, что такое дюжина ножигов для мужчины в расцвете лет, который выпивает в день не больше двух бутылок вина и выкуривает всего десяток трубок?

Поручик быстро взглянул на супругу, проверяя, какое впечатление произвел его рассказ. Поверила ли?

– Да, дорогой. Конечно, дорогой! Приди же ко мне в объятия! – коварно улыбнувшись, сказала Дама.

Она поняла уже, что одержала победу. Теперь ей долго чем будет язвить мужа. «Лет на пять хватит, а там придумаю что-нибудь новенькое», – прикинула она.

Привидения поцеловались. При этом их носы глубоко вошли друг в друга, чему ни Дама, ни поручик не придали особого значения. Призраки вообще снисходительно относятся к мелочам. Некоторые из них так обленились, что даже не пытаются переставлять ноги, а просто плывут над полом, точно влекомые ветром.

– В ближайшие дни что-то должно произойти. Вот увидишь, дорогой! У меня редкое чутье на смерть, – вдруг задумчиво сказала Недолеченная Дама. Она никак не могла отделаться от того, первого впечатления, когда она только увидела сегодняшнюю луну.

Ржевский расхохотался своим неподражаемым смехом, звучащим как ржание целого кавалерийского эскадрона.

– Больше трупов – больше призраков! – прокомментировал он.

* * *

Нападающий сборной Тибидохса Семь-Пень-Дыр сидел у себя в комнате, запершись на два основных заклинания и одно добавочное. Он был серьезен и сосредоточен, как хирург перед операцией. Перед Семь-Пень-Дыром стояла шкатулка, очень похожая на ту, с которой некогда ездил по России небезызвестный интуитивный маг-психолог и просто пройдоха Чичиков.

Выдвинув у шкатулки секретный ящичек, Семь-Пень-Дыр слюнявил пальцы и пересчитывал жабы бородавки, зеленые мозоли и дырки от бублика.

– Четыреста девяносто два плюс десять от Тузикова... Итого: пятьсот две жабы бородавки, триста восемьдесят зеленых мозолей и две тысячи семьсот пять дырок от бублика!.. Почему семьсот пять? Ага, тридцать сегодня взял Жикин... Опять небось на подарки своим цацам. Пусть только попробует задержать – сразу процент подниму! Эхе-хех, грехи наши тяжкие!

Пень вздохнул, закрыл шкатулку и, положив на нее подбородок, задумался. Когда он попал в Тибидохс одиннадцатилетним мальчишкой, по горячности превративши учительницу в выдру, он был так же беден, как Танька Гроттер. Только Гроттерша сразу тратила ту небольшую стипендию, которую ежемесячно выдавал ученикам Сарданапал. Семь-Пень-Дыр же вначале экономил, отказывая себе во всем, даже в необходимом, а затем додумался ссужать товарищам деньги в рост под грабительский процент. Из опасения, что деньги ему не вернут и он потерпит убытки, Пень накладывал на дырки от бублика и на зеленые мозоли всевозможные заклятия и тройные угрызения совести. В день же раздачи стипендии Дыр стоял где-нибудь в уголке и, как паук, собирал долги, виртуозно с математической точностью высчитывая проценты.

«Оно, конечно, сдирать с товарищей деньги неловко... Да только я же не заставляю их у меня брать! И вообще, кто родился шляпой, тот все равно все прошляпит!.. Лучше уж я, чем кто другой...» – самодовольно говорил себе Пень.

Внезапно, когда наслаждение обладанием достигло пика и душа Пня купалась в магических дензнаках, как ангел в тучке, какая-то неприятная мысль настигла его и, ударив под дых, испортила настроение.

«Тут вкалываешь-вкалываешь, а все равно у меня нет и тысячной доли того, что есть у Бессмертника Кощеева только в одном каком-нибудь его подвале. Это ж сколько мне еще за ними гнаться!.. Нет, точно в ближайшее время произойдет какая-нибудь гадость. У меня на это нюх!» – подумал Пень и впал в глубочайшую меланхолию.

* * *

Горыня, Усыня и Дубыня обходили потайные самострелы в лесу, примыкавшем к скалистому берегу. С добычей все было глухо. Те из лосей и оленей, что не стали еще шашлыком, научились быть осторожными. Перешагивая через корягу, Дубыня неосторожно задел протянутую над тропой веревку. Тренькнула тетива.

Тяжеленная стрела вонзилась богатырю в ляжку. Ее зазубренный наконечник вышел с другой стороны.

– Глуха-клюха! Чихать на твою рать! – с чувством произнес Дубыня и тяжело обрушился на землю.

Горыня и Усыня принялись ругаться, споря, кто из них поставил здесь самострел. Выходило и так и эдак. Истина ускользала, как мокрое мыло. Проругавшись минут с десять, братья вспомнили о раненом Дубыне и, взвалив его на плечи, потащили в магпункт. Дубыня стонал и порывался поубивать всех подряд.

– Как в Тибидохс войдем – ты помалкивай. А то Медузия услышит. Сам знаешь, что нам за браконьерство будет. Наложат заклятие, переведут на одну пшенную кашу – хоть в Магфорд беги! – опасно предупредил Горыня.

– Клопп с ней, с Медузией! Пускай слышит! – заявил Дубыня.

Но все же напоминание о доценте Горгоновой заставило его взять себя в руки. Он стиснул зубы и лишь изредка, когда становилось особенно больно, обращался к таинственной глухе-клюхе.

У подъемного моста Усыня наступил себе на ус и остановился. Его плоское, все в рытвинах лицо приобрело задумчивое выражение.

– Давно не было такого скверного мая. Вот помяните мое слово, чего-нибудь да будет! – сказал Усыня.

– Не каркай! – проворчал Горыня и немедленно получил дубинкой по уху от обидчивого брата.

Число пациентов Ягге разом удвоилось.

* * *

После того как Тане удалось одержать победу над Цирцеей, ее страсть к Пупперу пошла на убыль. Нет, окончательно излечиться от любви ей пока не

удалось. Магия вуду не та магия, которую можно обуздать за одну минуту, час или день. Она въедается в кровь и плоть, точно яд. Растравляет душу. Нужно много недель мучительной борьбы с собой, много бессонных ночей – и то еще неизвестно, кто возьмет верх.

Таня продолжала любить Гурия, но одновременно она любила и Ваньку. Порой она сама удивлялась своей противоречивости. Пуппер и Ванька абсолютно дополняли друг друга. В Пуппере были черты, которых не было в Ваньке, но одновременно мягкий и озорной Валялкин многим превосходил прямолинейного Пуппера, имевшего привычку кстати и некстати вспоминать про свой счет в банке и плакавшегося в жилетку после каждого столкновения с тетями. Порой Таня ловила себя на мысли, что целоваться ей больше хочется с Ванькой, а по ресторанам ходить с Пуппером.

Бывало, она срывала в поле ромашку и гадала: «Ванька... Пуппер... Ванька... Пуппер». Иногда выходило, что она останется с Ванькой, а иногда – что с Пуппером. И всякий раз результат гадания казался Тане окончательным и бесповоротным. Гробыня тоже любила гадать подобным образом. Правда, если у Тани это была ромашка, то мадемуазель Гробыня отрывала лапки мухам. К тому же гадания ее имели очертания даже не любовного треугольника, а гораздо более сложной фигуры.

– Пуппер... Жикин... Гуня... Шейх Спирия... Семь-Пень-Дыр... Бульон... Тьфу ты, опять лапки кончились! Что же мне, с Бульоном оставаться? – раздраженно говорила Гробыня и, чтобы подтасовать нужный результат, отрывала мухе еще и крылья.

«Вот и я как Склепова! Никак сама в себе не разберусь! И как меня такую могли перевести на белое отделение? Ванька вяловат немножко, но это потому, что он мой ровесник. Подрастет – станет побойчее. Зато его руки не ползают куда не надо. И целуется он хорошо. Гурик, конечно, поэнергичнее, но у него подбородок колючий, а бриться ему киношники запрещают!» – думала Таня. Порой после таких размышлений она начинала опасаться, что из ее перстня вновь будут выскакивать красные искры.

* * *

В тот теплый майский вечер Соловей О. Разбойник был в хорошем настроении. Посоветовавшись с Дедалом Критским, он решил разнообразить тренировку и вместо подросших сыновей Гоярына, которые все чаще путали игроков с кровяными бифштексами, выпустил на поле десятка два амурчиков. Пухлые купидоны резвились под куполом, кувыркались и со свистом рассекали воздух золотистыми крылышками.

– И что нам делать с этими оболтусами? – кисло поинтересовался Жора Жикин.

– Поймай хотя бы парочку! Представь, что это мяч! – насмешливо предложил Соловей.

– Поймать? Да как нечего делать! Эй ты, пацан в красных трусах, стоять бояться! – крикнул Жикин.

Он погнался за ближайшим купидончиком и почти уже схватил его, но тот изловчился и быстро нырнул вниз. Жора замешкался, не притормозил и впечатался лбом в купол. Купидончики мельтешили, хихикали и прятались друг за друга. То там, то здесь мелькали их розовые ускользящие пятки. Вскоре сборной пришлось признать, что купидоны куда маневреннее и хитрее магических мячей. Лично же Таня убедилась в этом, едва не расколотив о купол свой контрабас. Увернувшийся купидончик заливался звонким смехом у нее над головой.

Наконец Кузя Тузиков изловчился и, поймав упитанного младенца, только что увернувшегося от Кати Лотковой, небрежно сунул его под мышку. Разгневанный купидончик заверещал, как поросенок, выдернул из колчана стрелу и, не трудясь даже наложить ее на тетиву, воткнул Тузикову в бедро. Кузя вскрикнул, выпустил купидона, порозовел, позеленел, снова порозовел и, точно перезрелая груша, кувыркнулся с реактивного веника. Хорошо, что было не слишком высоко.

К Тузикову, прихрамывая, кинулся Соловей и принялся трясти его. С минуты Тузиков оставался неподвижен. Потом томно приоткрыл глаза и задумчиво уставился на тренера.

– У тебя есть капитанская фуражка? – поинтересовался он. – Я люблю почтальонов, но ты тоже симпатичный!

– Не-е-ет! Что вы с ним сделали? – возмущенно завопила Рита Шито-Крыто, обстреливая амурчиков своими убийственными сглазами.

Взбешенный Соловей лично сшиб купидончика свистом и, за ухо подтащив его к Кузе, заставил снимать любовную магию.

– Я тебе дам какие попало стрелы использовать! А ну лечи давай! – крикнул он.

– Отпусти ухо, фулюган! – пропищал купидончик.

– Не отпущу! Так лечи!

Купидончик достал другую стрелу и ее опереньем начертил на ноге Кузи какой-то знак. Тузиков вновь, радужно меняя цвета, опрокинулся на песок. Минуту спустя он встал и на негнущихся ногах направился к реактивному венуку.

– Парень, ты в порядке? – крикнул ему Соловей.

– Моя твоя не понимай! Хочу рисовать маслом и кататься на слонятах! Других слабостей у меня нет! – отчетливо сказал Тузиков.

Опростоволосившийся купидончик торопливо слинял.

Тренировка продолжалась. Постепенно сборная приноровилась к суетливому мельканию розовых пяток и золотистых крылышек. Игроки перехватывали купидонов влет, иногда даже по паре штук.

Раззадоренные младенцы принялись осыпать тибидохцев стрелами. По счастью, после истории с Тузиковым Соловей заранее велел снять с золотых стрел наконечники. Это значительно ослабляло любовную магию, и любовь получалась мимолетная, на уровне флирта. Технический донжуан Жора Жикин ухитрился влюбиться за тренировку трижды. Девочка-пантера Маша Феклищева – пять раз. Сколько раз влюбился Баб-Ягун, не знал даже он сам. У говорливого внука Ягге с точными науками было взаимное недопонимание.

После тренировки Таня вышла из раздевалки и обнаружила, что ее ждет Ванька. Это всегда было приятным сюрпризом. Ванька редко предупреждал о своем

появлении. Его коньком была непредсказуемость. К тому же в последние недели у них с Тарахом было много возни с магическими зверями. То драконы принимались угасать, и их отпаивали ртутью, то гарпии стали гибнуть, подхватив магический вирус от птицы феникс, от которого сам феникс излечился элементарно, применив свое коронное самосожжение и возродившись из пепла.

– Привет! Я тут был неподалеку и решил заглянуть, – сказал Ванька.

Таня спрятала контрабас в футляр и вручила его Ваньке. Валялкин всегда охотно таскал ее контрабас, в отличие, кстати, от Пуппера, который, обжегшись еще в подростковом возрасте на феминистках типа Гореанны, предпочитавших все делать самостоятельно, не всегда решался предложить помощь.

Они пошли к Тибидохсу, делая большой круг, чтобы не сразу оказаться у школы. Ванька рассказывал Тане что-то забавное, кажется, о Тарахе, который гонялся сегодня с утра за болотными хмырями, устроившими погром в его берлоге. Когда Таня засмеялась, Ванька обнял ее и поцеловал.

В этот самый неподходящий, или, напротив, исключительно подходящий, момент (с какой стороны посмотреть) их прервал чей-то гневный вопль. Сверху на метле спикировал Гурий Пуппер, имевший почти магический дар появляться некстати. Соскучившись по Тане, он решил навестить ее. Пуппер был в новой майке, с которой добрыми глазами смотрела его тетя. Заметив Таню, тетя на майке мгновенно повернулась к ней затылком.

Пуппер спрыгнул с метлы. Как порой случалось с Гуриком, от негодования он растерял добрую треть русских слов.

– Damn! Отойди от нее, валяйнок! – крикнул он, причудливо скрещивая «Валялкина» с «валенком».

– Сам отойди, лох румяный! – мгновенно парировал Ванька. Ему было проще. Все-таки русский язык был его родной стихией. С «румяным лохом» он угадал. Пуппер от злости действительно основательно подрумянился.

– Do you understand me? Таня есть мой! Я, а не ты стану ее хазбонд! – воскликнул Пуппер. – Ты, рашн лайподь, не стоишь один ноготь на ее finger!

Некоторое время Ванька размышлял над словом «лайподь», но окончательно так и не определился с его значением.

– Сам ты фингер! – сказал он, решив придраться к этому более обидному, с его точки зрения, слову.

– Лайподь!!! – взвыл Гурий.

Не вникая дальше в лингвистические тонкости, Ванька аккуратно поставил футляр с контрабасом на землю и шагнул к Гурию. Пуппер насмешливо ждал. Ванька смахнул с Пуппера подклеенные очки и точным ударом в подбородок заставил Гурия сесть на землю. Таня едва поверила своим глазам – семнадцатилетний Пуппер был на добрую голову выше Ваньки и на десяток килограммов тяжелее.

Упавший Пуппер сразу же подскочил, как пружина. Первым его желанием было кинуться на Ваньку с кулаками, но он сдержался.

– Посмотри на него! – сказал он, обращаясь к Тане. – Разве это мужчина? Он не сможет обеспечить тебе никакой левел оф лайф! Вы будете жить на берегу океана и есть тухлый рыба, которую бросать волны!

– Почему обязательно тухлую? – удивилась Таня. Ей стало обидно за Ваньку. Категоричность Пуппера выводила ее из себя.

– Потому что он не заработает на удочку. Ха-ха! Это есть метафор! – категорично заявил Гурий, нашаривая на земле очки. – Ну вот, дужка отлетела! – сказал он укоризненно.

– Нечего ныть! Замотай скотчем! По-моему, они уже ломались пару раз, – хмуро посоветовал Ванька. С его точки зрения, очки Пуппера и прежде выглядели так, словно их переехали автомобилем.

– Глупый лайподь! Это есть такой модель от лучший магзайнер Буччи! Специально сломан и подклеен! Тебе, валяйнок, не расплатиться за эти очки всю жизнь, даже если продать тебя в рабство! – небрежно сказал Пуппер.

– Угу! – произнес Ванька и вновь смахнул с Пуппера очки. Теперь они улетели вдвое дальше прежнего. К тому же на пути у них встретилось дерево. – Ой, какой я неосторожный! Теперь и скотч не поможет. Магзайнеру придется повеситься на своих подтяжках, – грустно сказал Ванька.

Гурий позеленел от злости. Его длинное лицо приобрело необычно благородное и горделивое выражение. Ну прямо герцог Магкингем, основатель Магфорда, на парадном портрете.

– Мое терпение лопнуть! Я преподам тебе хороший lesson! Иди за мной, Джон Валялька, и не вздумай отстать! Если попробуешь убежать, я буду отшлепать тебя по задний карман твоих брук! – сказал он мрачно и, повернувшись, быстро пошел к роще.

Добрая тетя, лицо которой смотрело теперь со спины Гурия, снова торопливо отвернулась. Но Тане было не до родственников Пуппера и не до их настроений. Она виновато смотрела на Гурия и Ваньку. В конце концов, все, что происходило, происходило из-за нее.

– А ну, прекратите! Что я вам, собственность? Какое вы имеете право меня делить? – сердито крикнула она.

Пуппер резко остановился и вернулся к Тане. Самая добрая тетя, вновь оказавшаяся к Тане лицом, пришла в замешательство и сердито завертелась как флюгер.

– Отлично. Определяйся кто: он или я? Есть у тебя свой мнений? Тогда говори! И пусть другой уйдет сам – раз и форева! Ты согласен, Вайлялька?

Ванька кивнул.

– Клянешься?

– Клянусь! – твердо сказал Ванька.

– И я клянусь! – повторил за ним Гурий.

Теперь оба – Пуппер и Ванька – выжидающе смотрели на Таню. Она, не ожидавшая этого и растерянная, замешкалась с ответом. Странная нерешительность овладела ею. Ее душа буквально разрывалась на две половины – одна из них устремлялась к Пупперу, другая к Ваньке. Ей хотелось сохранить и того, и другого. Сколько раз она потом проклинала себя за это!

Молчание затягивалось. Несколько раз Таня набирала воздух, чтобы произнести одно какое-нибудь имя, но так ничего и не произнесла. Зато в ней проснулось вдруг дикое раздражение человека, которого пытаются загнать в угол.

– Какие же вы оба болваны! Терпеть вас не могу! – воскликнула она, отворачиваясь.

– Не можешь решить? Прекрасно! Тогда мы решим сами. Пошли, Пуппер! – вспыхнув, сказал Ванька.

Теперь уже Гурий вынужден был тащиться за ним, что было не совсем приятно для его самолюбия. Роли переменялись. Таня, которую оба этих петуха почти не замечали, двинулась за ними следом.

– My dear Татьяна! Прошу, не ходи за нами. У нас будет разговор сугубо фо мэн! Я научить этот сосунок с прической а? la moujik хороший манер! – обратился к ней Пуппер.

– Научишь, научишь... Всему научишь! Не отставай давай! – голосом, не предвещавшим ничего хорошего, пообещал Ванька.

– Ванька! Не надо! – жалобно попросила Таня. Она отлично знала, чем закончится для Пуппера это Ванькино показное смирение.

– Нет надо! Подожди нас здесь!.. Я не сделаю ему ничего плохого: просто доступно объясню, что невест нужно искать подальше от Буяна, – твердо сказал Валялкин.

Тане стало тревожно за Пуппера. Правда, и за Ваньку она боялась ничуть не меньше. Но Ванька все же был более приспособленным. Не проходило недели, чтобы он не подрался с Семь-Пень-Дыром, Ягуном или даже Гуней Гломовым. С

другой стороны, драконбол, в который играл Пуппер, тоже не был спортом для благородных девиц и кое-чему должен был его научить.

Все еще надеясь помешать, Таня кинулась было за ними, но тяжелый футляр контрабаса оттягивал ей плечо. Она остановилась, растерянная и очень недовольная всем происходящим.

В роще Пуппер обогнал Ваньку и пошел первым. Ваньке это не понравилось, и он оттеснил Гурия плечом. Некоторое время они молча толкались на ходу. Ветки, которые никто не пытался придерживать, норовили хлестнуть по глазам. Наконец Гурий остановился, оглянулся и убедился, что деревья надежно скрывают Таню от них и она не может ни видеть, ни слышать их.

- Последний раз спрашиваю, уступишь ты мне Таню или нет? - спросил Пуппер.

- Размечтался. Держи карман шире! - сказал Ванька.

- Но у нас с ней the great love!

- Меньше надо было ползунки выкрадывать и с Цирцейкой интриговать. Не было бы никакого «грейт лава», - насмешливо произнес Ванька.

Об истории с ползунками знала уже вся школа. Не так давно Пипа под большим секретом рассказала все Ритке Шито-Крыто, та еще под бо##льшим секретом - Зализиной, а Зализина назло Тане - Попугаевой. А рассказать о чем-либо Верке было все равно что сделать объявление по зудильнику.

- Как хочешь, Вайлялька!

Гурий пробормотал заклинание. В руке у него появилась перчатка, которую он бросил Ваньке в лицо.

- Джон Валялька, ты есть наклый плут! Я вызываю тебя на магическую дуэль! Один из нас умрет! Вдвоем нам нет места в этот тесный жестокий мир! - холодно сказал Пуппер.

Ванька поймал перчатку, скользнувшую по его щеке, и в свою очередь швырнул ее в лицо Пупперу. Два взгляда встретились – пылающий рассудочной отвагой взгляд Пуппера и прищуренный, испытующий взгляд Ваньки. Никто не собирался отступить.

– Дуэль так дуэль. Сам додумался или в книжке прочитал? – поинтересовался Валялкин.

– У тебя есть метла? – деловито осведомился Пуппер.

Ванька покачал головой.

– Ни метлы, ни ведра. Даже детского совочка нету. Я думал, все это дворникам на работе выдают, – усмехнулся он.

– На чем же ты собираешься лететь без метлы? – спросил Гурий, не уловив юмора. – Магические дуэли происходят в воздух!

– Я возьму у Ягуна пылесос, – сказал Ванька.

– Меня это устраивает, – кивнул Пуппер. – Завтра на рассвете мы поднимемся над океаном и будем поочередно атаковать друг друга усиленной боевой искра. До тех пор, пока у Тани не останется только один поклонник.

– Или ни одного, – сказал Ванька.

– Или ни одного, – серьезно подтвердил Гурий. – Моим секундантом будет my bodyguard Прун.

– А моим Баб-Ягун. Думаю, он согласится... А нет, стоп! Ягуна нельзя, – спохватился Ванька. – У кого я тогда пылесос одолжу? Ладно, найду кого-нибудь еще.

– Wonderful! Тогда до завтра! Встречаемся в четыре утра в этой же роще. Постарайся не опаздывать, Джон Валялька. И еще одно: когда мы сейчас выходить, сделай так, чтобы Таня ни о чем не догадалась! Она может помешать наш дуэль! – сказал Гурий, потирая пальцем свой знаменитый шрам в форме

копирайта.

Для всех, кто знал Пуппера, это был верный знак, что он просто в бешенстве.

- Она ни о чем не догадается. Уверю тебя, - пообещал Ванька.

* * *

Таня, сходявшая от беспокойства с ума на опушке рощи, была поражена, когда из-за деревьев, любезно беседуя, появились Ванька и Пуппер. Они не только не собирались бить друг другу морду, но сделались, казалось, лучшими друзьями. Ванька что-то сказал. Пуппер засмеялся. Гурий что-то сказал. Ванька одобрительно похлопал его по плечу. Дружба была в самом разгаре.

«Что-то мне совсем не нравится, как они спелись. Может, это я теперь третья лишняя?» - негодуяще подумала Таня, хотя еще минуту назад мечтала, чтобы все закончилось мирно.

Одновременно она с удивлением смотрела на майку Пуппера. Самая добрая тетя, прежде демонстративно поворачивающаяся к ней затылком, пребывала в странном и необъяснимом возбуждении. Она таращила глаза, высовывала язык и делала рукой движение, точно затягивала у себя на шее петлю.

«Это она меня, что ли, удавить хочет? Очень милое и естественное желание!» - подумала Таня и, подождав, пока Гурий повернется к Ваньке, чтобы сказать ему нечто дружелюбное, показала тетке язык. Тетя порозовела от негодования, оскорбленно заморгала и вновь повернулась затылком.

Вскоре Пуппер откланялся и улетел, уронив на прощание загадочную фразу:

- Dear Tanjusha! На всякий случай запомни меня таким! Вскоре мы с тобой будем либо очень близки, либо очень далеки...

- Что это он? О чем вы с ним говорили? - спросила Таня, провожая взглядом стремительно удаляющуюся спину Гурия. Пуппер сидел на метле как профи. Он был сгруппирован и одновременно расслаблен. Казалось, нет такой силы, которая сбросила бы его с метлы.

- Э-э... О разном, - неопределенно ответил Ванька.

- В смысле?

- Ну, в основном об очках. По очкам этот парень просто ходячая энциклопедия! У моего прадедушки остались прикольные очки - ободки из консервных банок, в которые вставлены два бутылочных донышка! Я рассказал об этом Пупперу - он едва не умер от восторга. Мечтает заполучить их в свою коллекцию, - заявил Ванька, торопливо изобретая на ходу новые подробности.

Таня с сомнением посмотрела на него. Если по Ягуну и Пупперу заметно было, когда они лукавят, то Ванькин голос ничуть не менялся. Лишь глаза поблескивали насмешливо и хитро. Вот и сейчас Таня догадывалась, что что-то неладно, но никак не могла понять, что же на самом деле произошло между Ванькой и Пуппером.

- А что это была за фразочка про очень близки и очень далеки? Не знаешь, что Пуппер хотел этим сказать? - спросила Таня у Ваньки.

- Вот уж не знаю, - ответил Ванька. - Англия - страна туманов. Они там такого туману понапустят, что держись. Но ты Пуппера на всякий случай запомнила? Можешь представить, если закроешь глаза?

- Да, - неуверенно сказала Таня.

- Чудненько. А меня можешь? - ревниво спросил Ванька.

- Сейчас кто-то схлопочет ядреный запук... Не буду я тебя представлять!

Фыркнув, Таня толкнула его под коленки контрабасом и, взвалив на Ваньку футляр, пошла к Тибидохсу. Позднее она сто раз ругала себя, что была в этот миг такой близорукой. Недаром Ягун, многократно влюблявшийся и столь же многократно терпевший фиаско, утверждал, что любовь делает человека слепым и глухим. «Всякий влюбленный немного кретин, но все равно ради этого стоит жить!» - обычно добавлял он.

* * *

В половине четвертого утра в комнате у Шурасика деревянная статуэтка Древнира окуталась вдруг золотистым сиянием и принялась обстреливать бедного владельца заклинаниями бодрости. Эту статуэтку, вырезанную тибидохскими домовыми из лукоморского дуба, Шурасик, как единственный тибидохский отличник, получил еще в прошлом году из рук самого Сарданапала.

Шурасик упорно сопротивлялся. Он и бодрость были понятия совершенно несовместимые, особенно в такой час. Высунув из-под одеяла руку с перстнем, он запустил в статуэтку Дрыгусом-брыгусом, которую деревянный Древнир с легкостью парировал.

- Кофеузрастворимус! - немедленно отвечала умная статуэтка.

- Идиос нафигус! - применял нейтрализующее заклинание Шурасик.

- Чифирюс!

- Гопус-стопус! Отвалеус!

Некоторое время Шурасик и статуэтка Древнира перешвыривались запуками, искрами и сглазами, все больше входя в раж. В результате на сухом дереве фигурки зацвела вишня, а подушка Шурасика была разнесена в пух и перья, точно близким выстрелом из базуки.

Рассерженный Шурасик приготовился ответить чисто конкретным заклинанием калибра 7,62, но вовремя спохватился, что сам вчера заговорил статуэтку, чтобы она разбудила его в это время. К тому же, перебрасываясь со статуэткой атакующей магией, он окончательно проснулся, так что цель в конце концов была достигнута.

- Спасибус не булькус сменяюс пузырюс! - произнес Шурасик формулу общей благодарности, одну из семи универсальных формул Астрокактуса Параноидального.

Астрокактус был знаменитый маг: он начал жизнь, как гений, открытием волшебного спирта, погружающего в состояние вечного удовольствия, и закончил как гений – в психушке с белой горячкой.

Услышав формулу общей благодарности, деревянная фигурка Древнира довольно скрипнула и перестала окутываться сиянием. Можно было отправляться в рощу искать волшебные корни незрим-травы, ради чего Шурасик, собственно, и поднялся на рассвете.

Большинство магических отваров сохраняют свои свойства лишь несколько мгновений. К примеру, то, что только что было эликсиром привлекательности, превращается в смертельный яд спустя ровно секунду после приготовления, и маг, замешкавшийся сделать глоток, имеет больше шансов стать трупом, хотя, никто не спорит, чертовски привлекательным. Та же или почти та же история повторяется с настойкой вечной жизни, растиркой красоты или бальзамом всеведения. Незрим-трава – и это главное ее свойство – делает связи других магических составляющих долговечнее. Правда, даже она не гарантирует, что бальзамы или эликсиры будут храниться вечно, но поднести кубок ко рту успеть можно.

Нет смысла объяснять, что в мире магов незрим-трава ценится куда больше золота, произвести которое из обычного свинца способен всякий нерадивый аспирант кафедры общей магии, помнящий формулу всеобщности и способный вычертить перстнем по воздуху пару рун.

Лопухоидам незрим-трава неизвестна по двум простым причинам: первая та, что трава живет только один день и бесполезно искать ее назавтра там, где она была вчера. Вторая та, что трава невидима и поиски ее превращаются в гонку за призраком.

Прежде Шурасик выменивал незрим-траву у малютки Клоппика, но теперь тот растранижил все запасы, и Шурасику волей-неволей пришлось искать ее самому. Он собирался уже неделю, но все время просыпал, пока не догадался заговорить фигурку. Шурасик вооружился ржавым турецким кинжалом, взял вилочку из скелета лягушки и отправился в рощу. Здесь он остановился и задумался, соображая, откуда начать поиски.

«Главное, ничего не перепутать. Нож держать в левой руке. Корень брать не рукой, а вилочкой из скелета лягушки, зарытой в муравейнике. Через все препятствия перешагивать левой ногой. На солнце не смотреть. По дороге не оглядываться», – напомнил себе Шурасик.

Задача перед ним стояла непростая. В «Справочнике мага-травника»[2 - Справочник мага-травника. Изд.13-е, усеченно-дополненное; под общей ред. проф. Клоппа. Лысая Гора, 1894 г.] черным по белому было написано, что незрим-трава любит солнце, но не переносит света. Предпочитает низины и овраги, но растет исключительно на возвышенностях. Требует постоянного полива, но ненавидит влагу. Кроме того, незрим-трава растет наоборот – на рассвете она до колена, в полдень чуть выше ступни, на закате же втягивается в землю, чтобы завтра появиться невесть где.

Шурасик безуспешно раскапывал кинжалом землю, как вдруг вспышка семи радуг Грааль Гардарики заставила его торопливо опуститься на четвереньки и резво отползти в лопухи. Он хорошо помнил правило номер пять настоящего мага-травника: когда ищешь незрим-траву, не попадайся никому на глаза – или в тот день точно ничего не найдешь.

Прячась в лопухах, Шурасик видел, как, скользнув между деревьями, на поляну опустились Гурий Пуппер и Прун. Оба были на метлах, оба в темных плащах. Бледный и благородный нос Пуппера был украшен тоненькими очками в стиле «мальчик-вамп» (№ 45 его уникальной коллекции). Попутно очки Гурия были снабжены особыми стеклами, позволяющими определять тип атакующей магии и ее интенсивность. Возможно, по отношению к Ваньке, который не имел таких очков, это было не совсем честно, но, как шутил семейный адвокат Пупперов Хадсон: «Справедливость – понятие несправедливое».

Демонически скрестив руки перед грудью, Гурий прохаживался по роще, пылая от негодования. Изредка он взмахивал рукой, как если бы уже сейчас сокрушал Джона Валяльку боевой искрой.

Зато Прун ощущал себя явно не в своей тарелке. Всю сегодняшнюю ночь он кричал во сне. Его мучали кошмары, что сделают с ним тети Пуппера, если Гурий погибнет. «Бросят в зыбучие пески и, пока я буду погружаться, станут читать мне нотации! А то и того хуже: превратят в подставку для сапог-сорокоходов», – мрачно размышлял он.

А еще он думал так:

«И подложили же мне свинью! Почему Гурий не выбрал секундантом Гореанну? Женщина-секундант – это так необычно! К тому же у Гореанны есть сглаздат. От теток она бы как-нибудь отбилась».

Пока Шурасик, выглядывая из лопухов, соображал, что делают здесь Пуппер и Прун, слышался рев двух приближающихся пылесосов. С одного пылесоса прыгнул Ванька, с другого – Гуня Гломов. Гуня был единственным, кого Ванька сумел разбудить в этот час. Узнав про дуэль, Гуня воодушевился и заявил, что сам будет драться с Пуппером, если тот одолеет Ваньку.

– Как ты с ним будешь драться? У тебя же с магией неважно! – улыбнулся Ванька.

– У меня есть коронное заклинание Гломус вломус! Стиль чугунного кулака! Просто, как истина. Китайские школы отдыхают, японцы отправляются на перекур! – заявил Гуня и нежно посмотрел на свою огромную лапищу, которая выглядела так, точно была плодом запретной любви ковша экскаватора и боксерской перчатки.

Прежняя сила полностью вернулась к Гуне. Сложно было поверить, что недавно он лежал на кушетке в магпункте слабый, как младенец. Но все же пережитое потрясение не прошло для него бесследно. Например, прежний Гуня никогда бы не дал Пупперу такую сложную характеристику:

– Он мне никогда не нравился. Шрамик нагленький на лбу, очки, галстук... Ну прям сетевой распространитель с Лысой Горы. Я все жду, когда он предложит мне отвертку-фонарик со встроенным датчиком магии вуду или набор шариковых ручек – дырка от бублика штучка, две дырки кучка.

– Тихо! – сказал Ванька. – Они уже тут!

Гуня и Ванька подошли к Пупперу. Гурий сухо поклонился.

– Ты опоздал, лайподь! Джон Валялька! – укоризненно сказал он.

– Это ты прилетел раньше, Гуся Поффер! – щурясь на всходившее солнце, произнес Ванька.

Проигнорировав его, Пуппер посмотрел на Гуню.

– А вы есть секундант?.. Очень приятно... Пуппер. Пуппер Гурий, – представился он, одаривая его профессиональной улыбкой.

Гуня тоже вежливо улыбнулся. Улыбка у Гуни была, увы, не голливудская. Максимум мосфильмовская.

– Гуний. В смысле... кгхм... Супергуний! – шаркая ножкой сорок восьмого размера, сообщил он.

Пуппер вежливо приподнял брови.

– Really? Супергуний? – переспросил он.

– А чего? Нельзя, что ли? – набычился Гломов.

– Почему нельзя? Можно! – поправляя очки, разрешил Пуппер.

«Пуппергурий» и «Супергуний» раскланялись и взаимно потеряли друг к другу интерес.

Воинственный Прун вслед за Гурием тоже возжелал сказать нечто колкое в адрес второго секунданта, но вовремя посмотрел на Гуню. Блаженная улыбка и удамой размах его плеч заставили Пруна передумать.

– How do you do, mr. Glomoff? – вежливо осведомился он.

– Спасибо, Пруша, помаленьку, – отвечал Гуня, дождавшись от Гурия перевода. Из английских фраз он помнил только «What is your name?», да и то больше на уровне генетической памяти.

Тем временем удивление подглядывающего Шурасика перешло все возможные и невозможные границы. Отодвинув носом лопух, он попытался не упустить ни единого звука.

– В первый и... ну это... в последний раз предлагаю вам отказаться от дуэли! – сказал Гломов голосом, который сам по себе исключал всякое примирение.

Пуппер покачал головой. Ванька фыркнул.

Прун вздохнул. Ему продолжали мерещиться грозные тети. Они плясали у него в глазах, точно кровавые мальчики.

– Не хотите мириться? Тогда чего мы стоим гарпий считаем? Меня что, напрасно разбудили? Давайте деритесь! – заявил Гуня.

Возможно, его кровожадность объяснялась тем, что он имел о магических дуэлях весьма приблизительное представление. Скорее всего Гломов считал, что речь идет об обычном мордобое, после которого противники расходятся с разбитыми носами и поэтической синевой под глазами.

– Еще раз напомниль правила в присутствии секундантов! – сказал Гурий. – Мы вылетаем за купол и поднимаемся высоко над океаном. Боевые искры выпускаются по одной. Заклинание усиленной формы Искрис фронтис форте! В случае промаха все повторяется, и так, пока... пока все не закончится. Число искр не ограничено. Предлагаю проверить мой и ваш кольца.

Ванька кивнул. Пуппер подышал на свой перстень, протер его и, оглядевшись, выбрал цель. Это была часть старой крепостной стены, расположенная метрах в ста от них, там, где роща смыкалась с побережьем. Когда-то во время войн с нежитью здесь был один из внешних бастионов обороны, теперь почти уже разрушенный.

– Искрис фронтис форте! – твердо сказал Пуппер.

Очень яркая зеленая искра с треском оторвалась от его кольца и стремительно скользнула к стене. Послышался грохот. Взметнулась кирпичная пыль. С полдюжины камней было выбито. В стене образовалась приличная брешь, в

которую мог бы протиснуться человек.

– Ничего. Слабовато, но сойдет, – довольно сказал Пуппер, чуть встряхивая пальцами, чтобы остудить перстень. – Теперь ты, Джон Валялька!

Разинув рот, Гуня Гломов уставился на Ваньку.

– Искрис фронтис форте! Даже не просто Искрис фронтис! Ну ты и влип! Это же похлеще базуки! – проговорил он.

Ванька пожал плечами. В отличие от Пуппера, он не стал протирать кольцо и прицеливаться, а просто, чуть согнув в локте руку и направив костяшки пальцев на стену, сказал:

– Искрис фронтис форте!

Зеленая искра, довольно яркая, но не такая, как у Пуппера, ударила в стену чуть выше пролома. Хотя глиняная крошка и брызнула, все кирпичи остались на месте. Пуппер удовлетворенно улыбнулся.

– Я недостаточно разозлился, – точно оправдываясь, произнес Ванька. – Ничего. Еще успею.

– Угу! Пропустишь одну такую искру и успеешь, – хмыкнул Гломов, разглядывая оставленную Пуппером брешь.

– Еще не поздно отступить, Джон Валялька! Отдай мне Таню и не смей к ней приближаться! Ну? Клянись! – задиристо сказал Пуппер.

Ванька прищурился.

– Садись на метлу и не потеряй очки! Таню ты не получишь! – отрезал он.

Пуппер сухо кивнул и двинулся было к метле, но остановился. Прун что-то негромко подсказал ему по-английски.

– Он говорит, надо бросить жребий, кто стреляет первым. Секунданты тянут соломинки. Тот, чей секундант вытянет короткую, будет вторым, – перевел Гурий.

Прун нашел две соломинки, обломал у одной конец и, спрятав обе в ладони, протянул Гуне. У простодушного Гломова от ответственности вспотели руки.

– Законус подлостус! – прошептал Прун, незаметно выпуская искру. Ему хотелось дать Гурию лишний шанс.

Гуня долго мялся, сомневался и вытянул, разумеется, короткую. Поняв, что первый выстрел будет делать Пуппер, Прун облегченно вздохнул. Возможно, Гурий не промахнется, и тогда ему, Пруну, не придется отдуваться перед тетями.

– А что делать с телом? В смысле, если кто-то погибнет? – озабоченно спросил Гуня. Ему хотелось понять, как далеко готов зайти Пуппер.

– В океане полно акул. Похороны будут за их счет, – кровожадно сказал Гурий.

Он сел на метлу, чуть ссутулился – той самой особой пружинной сутулостью, которая придает шик драконболистам и жокеям, – и стремительно рванул ввысь. За ним поспешил Прун. Ванька и Гуня Гломов завели пылесосы и взлетели уже без такого шика. Вскоре четырежды сработавшая Грааль Гардарика подтвердила, что оба дуэлянта и их секунданты покинули Буян.

Шурасик, не пропустивший ни слова, вспахал подбородком прошлогоднюю листву.

– Дуэль! Надо предупредить Сарданапала! Это же смертоубийство! – пробормотал он и, спотыкаясь, метнулся к Тибидохсу.

Циклоп Пельменник дремал у подъемного моста, опершись на секиру. Возле него стояла огромная бутылка самогона, на горлышко которой была надета детская соска. Изредка, не открывая своего бешеного глаза, Пельменник нашаривал бутылку, присасывался и вновь погружался в сладкий утренний сон. Шурасика он даже не заметил.

Едва Шурасик перебежал мост и нырнул в Башню, кто-то цепко поймал его за рукав. Он пугливо оглянулся. Это была Пипа Дурнева.

– Стой, руки за голову! – приказала она.

Шурасик остановился. Пробивная и уверенная Пипа ему нравилась. Мягким и интеллигентным людям часто не хватает зубастости. В Пипе же ее было хоть отбавляй. Она могла не только войти в любую дверь без стука, но и унести дверь с собой в качестве моральной компенсации за то, что ей не сразу открыли.

В то утро Пипа тоже встала рано. Она и Катя Лоткова исполнили свое давнишнее намерение устроить Жоре Жикину хороший пробегунчик. Пипа назначила ему свидание в четыре утра у подъемного моста, а Катя – в четыре пятнадцать на чердаке Большой Башни. Оба свидания, разумеется, были самые важные. Пипа с Катей наобещали Жоре по семь вагонов нежности, одновременно пригрозив рассориться с ним на всю жизнь, если он проспит или попробует не явиться. И вот теперь Жора, высунув язык, разрывался на части и носился туда-сюда, загнанный, как бегун-марафонец. Пятьсот ступенек вниз, пятьсот вверх. Сорвав поцелуй у Пипы, которому бедняга был совсем уже не рад, Жора заплетающимся языком врал про эликсир, который кипит у него в комнате, и тащился обратно к Лотковой, а потом от Лотковой снова к Пипе.

Пипа и Катя Лоткова, вполне вернувшая свою красоту и вместе с тем уверенность в своей неотразимости, отрывались на полную катушку. Отправив Жикина, они перезванивались по зудильнику или, сговорившись, начинали названивать Жоре и сочувственно спрашивать, не выкипел ли его эликсирчик.

Жикин, застрявший где-то на середине гигантской лестницы, мог только хрипеть в зудильник. Ему хотелось раз и навсегда забросить все свидания, поставить на девушках жирный крест и записаться в кружок выпиливания лобзиком. Он где-то когда-то читал, что это спокойное и умиротворяющее занятие отлично сохраняет от потрясений и крайне полезно для психического здоровья.

– У меня для тебя хорошая новость, котик! Мы теперь будем встречаться каждую ночь. Часа в три тебя устроит? – мурлыкала Лоткова.

Жора вздрагивал. Дело в том, что ровно минуту назад ту же фразу, едва ли не слово в слово, он слышал от Пипы. И той тоже почему-то хотелось видеть его ровно в три. «Ах, девушки, девушки! Как же они предсказуемы!» – самодовольно думал Жора.

Вспомнив о дуэли, которая, возможно, уже началась, Шурасик попытался рвануть к кабинету главы Тибидохса, но юная Дурнева цепко поймала его за задний карман.

– Ну и куда бежит юное дарование? – дурачась, спросила она.

– Мне нужен Сарданапал! Отпусти! – потребовал Шурасик.

– А вот и не отпущу! Неужели этот старикашка нравится тебе больше, чем я? – капризно нахмурилась Пипа. Только что у нее мелькнула забавная мысль: задержать Шурасика до возвращения запыхавшегося Жикина и развести того на ревность.

– Не в том дело! Там Валялкина убивают! – крикнул Шурасик.

– Ну и что? Утешься, мальчик! Каждую минуту на Земле происходит два убийства, тысяча краж и пять вооруженных ограблений! – зевнула Пипа.

– И Пуппера тоже убивают! Дуэль у них!

Пипа мигом стала серьезной. Если на Валялкина ей было, в общем и целом, плевать, то к Пупперу она относилась трепетно.

– ПУППЕРА? – охнула она, вцепляясь в Шурасика мертвой хваткой. – А ну веди меня к нему! Да я за моего Гурочку... Что ты встал, как истукан? Ищи где хочешь мне пылесос!

* * *

Рассветное небо было нежно-малиновым. Ветер налетал порывами и мял рыхлые тела туч.

Пуппер, летевший впереди, поднимался все выше. Вскоре они оказались так высоко, что у Ваньки закружилась голова и стало не хватать воздуха. Океан был уже не виден – лишь изредка в разрывах туч мелькало что-то серебристо-стальное. Мелькало и сразу гасло.

А Гурий все поднимался и поднимался, ни разу не оглянувшись. Он явно стремился, чтобы тот из них, кто сорвется вниз, не имел ни малейшего шанса. Гуня Гломов озабоченно хмыкал. Под конец даже верный Прун начал проявлять беспокойство. Один только Ванька упорно мчался вслед за Пуппером, заставляя двигатель пылесоса реветь от перегрузки. Лицо у Валялкина было задумчивым и отрешенным: он думал о Тане и только о ней.

Наконец, Пуппер остановился и, развернувшись, подлетел к Ваньке.

– Отличное место, чтобы умереть, Джон Вайлялька! Здесь нам никто не помешать! Пусть пролитая кровь смывает наши страдания и тот, кто останется жить, получит Таня! – сказал он, искоса бросая взгляд на океан.

Ванька кивнул. Он был настроен менее пафосно, чем Пуппер, но все равно мысли его были о том же.

Прун засуетился. С помощью заклинаний, рисующих по воздуху малиновые полосы, они с Гуней отметили границы. Теперь Ваньку и Пуппера разделяло с полсотни шагов – куда ближе, чем до той стены у рожи. Согласно правилам дуэли, сближаться было нельзя. Стрелять нужно было не сходя с места.

Прун и Гуня Гломов заняли позицию чуть в стороне, где они могли наблюдать за соблюдением правил. Прун достал из кармана огромный платок, промокнул лоб и взмахнул платком, давая сигнал.

Пуппер подышал на перстень.

– Ты сам хотел этого, Джон! Я не могу позволить тебе погубить мой Татьяна и задушить ее убогий быт! Я есть ее благодетель и спасатель в один лицо! – произнес он вполголоса и, раззадорив себя, крикнул: – Искрис фронтис форте!

Зеленая искра с треском оторвалась от его перстня и помчалась к Ваньке.

Валялкин смотрел на стремительно несущуюся к нему яркую точку. Тридцать метров... двадцать... Сейчас она будет здесь. Ванька видел, что искра летит точно ему в грудь. Нет, Пуппер не промахнулся. Рука бывалого драконболиста не дрогнула.

– Ванюха, сматывайся! Уклоняйся! Рви когти! Черт с ней, с Танькой! Девчонок много, а ты один! – забыв о своих секундантских обязанностях, завопил практичный Гуня.

Но Ванька висел неподвижно, не делая попыток спастись. Он знал, что это его смерть, но почему-то не боялся ее. Возможно, ему трудно было поверить, что он вдруг перестанет существовать от одного прикосновения зеленой яркой точки.

Когда Ваньку и боевую искру разделяли считанные метры, внезапный боковой порыв ветра отбросил пылесос немного в сторону. Это была чистейшая случайность, но именно она оказалась спасительной. Боевая искра скользнула по Ванькиному бедру, обожгла его и, ударив в хромированный обод пылесоса, погасла.

Пылесос, получивший более чем чувствительный удар, заглох было, провалился в воздушную яму, но потом вновь загудел, выплевывая из трубы майонезные пары с блестками русалочьей чешуи. Ванька, с трудом усидевший на нем, выправился и вновь набрал высоту. Поврежденный пылесос слушался неважно, но все же пока повиновался. Обожженная нога болела. Бедро было все как сплошной огонь, ниже колена Валялкин почти не ощущал ноги. Виски взрывались болью.

Поняв, что его искра лишь зацепила Ваньку, Гурий раздраженно встряхнул рукой с кольцом и, пригнувшись к метле, кинулся к нему.

– Chuma-del-Tort! – выругался он.

– Джон Вайлялька ранен! Дуэль надо прекратить! – размахивая руками, поспешно закричал по-английски Прун, сообразивший, что теперь выстрел придется принимать Пупперу.

– Нет, за мной еще моя искра! – сказал Ванька, когда Гурий перевел ему слова секунданта.

– Но ты ранен! Дуэль откладывается! – заспорил Прун.

– Возвращайся на место, Гурий! Или не смей больше подходить к Тане! – кусая от боли губы, сказал Ванька.

– Это ты не смей! Таня есть моя! Я не уступить ее такой чурбан! – заклокотал Гурий.

– К барьеру!

– Ты глуп, Джон! Глуп, туп и нельеп! Ты есть бесхарактерный тюфяк! Скоро ты становишься алкоголик, как твои родители! Надо быть ваш русский девушка, чтобы полюбить такой, как ты! – заявил Пуппер.

Он пожал плечами и, вернувшись на прежнее место, стал ожидать выстрела.

Ванька поднял руку с перстнем. Все перестало существовать для него, кроме маленькой фигурки Пуппера. От боли магфордский нападающий, точно перечеркнутый длинным древком метлы, двоился у него в глазах. Это мешало целиться. Странная нерешительность овладела Ванькой. Он и презирал Гурия, и одновременно жалел его.

– Стреляй, Джон Вайлялька! Таня моя! Если ты промахнешься, ты будешь нести ее фата на нашей свадьбе! – используя усиливающее заклинание, задиристо крикнул Пуппер.

Это было уже лишнее. Ванька вспыхнул, как порох. Он мог снести многое, но только не это! Таню он не отдал бы никому.

– Искрис фронтис форте!

Кольцо накалилось и выплунуло искру. Пульсирующая боль в ноге и мысль, что Таня может достаться Пупперу, придали Ваньке решимости. Зеленая искра стремительной пунктирной линией прочертила небо. Пуппер мог еще увернуться, но, как и его противник, предпочел остаться на месте. Но не исключено, что он просто растерялся, не ожидая у Ваньки такой магической мощи.

Миг растянулся в вечность, а затем искра ужалила метлу. Метла вспыхнула, как хворост. На лице Гурия мелькнул ужас. Он взмахнул руками, точно стараясь удержаться за воздух, и без единого крика стал падать. Короткий огрызок обугленной палки, которую он продолжал сжимать, никак не мог уже удержать его в воздухе. Несколько мгновений Гурий еще как-то ухитрялся замедлять падение, но лишь пока огонь не охватил метлу целиком и не перекинулся на его плащ.

- Не-е-ет! - крикнул Ванька, поняв, что натворил. - Не-ет! Держись, Гурий!

Вся его злость, вся ненависть к Пупперу исчезли, едва он увидел, как вспыхнула метла. Теперь у него была одна мысль и одно желание: спасти Гурия от неминуемой смерти. Ванька рванул к нему, но его подраненный пылесос не летел, а тащился. К тому времени, как он преодолел несколько метров, Пуппер исчез в ватных разрывах облаков. Его кувыркающееся тело, лишенное магической опоры, стремительно набирало скорость.

Когда замешкавшиеся Прун и Гуня Гломов промчались сквозь тучи, Пуппер уже исчез. Океан, покрытый молочной утренней дымкой, был спокоен. Стоило бросить на него один взгляд, чтобы понять, что искать в нем кого-либо бесполезно. Похоже было, что этим водам нет никакого дела до судьбы несчастного Гурия.

«Пуппером больше, Пуппером меньше – какая разница? Я же живу вечно. Что за дело мне до этих магов? Сколько их каждую минуту появляется на свет и сколько гибнет в моей пучине», – точно говорил он.

Но все равно Гуня, Прун и подоспевший Ванька искали Гурия, пока не закончилась русалочья чешуя в пылесосах. Искали до тех пор, пока Прун не выудил из волн обгоревшее древко метлы. А, как известно, палки от метел, да еще с клеймом фан-клуба Гурия Пуппера, не относятся к распространенной флоре и фауне Мирового океана.

Сомнений не было: Пуппер погиб. Дальнейшие поиски становились бессмысленными, тем более что немного в стороне, там где рассвет окрашивал океан в розовый цвет, Прун увидел мелькнувший плавник акулы.

Гурий Пуппер был погребен именно так, как сам желал...

Захватив с собой метлу в качестве вещественного доказательства, рыдающий Прун помчался сдаваться тетям. На лету он сам себя щипал и хлестал по щекам.

«Я жалкий несчастный пигмей! И почему я не погиб вместо него! Мадам, умоляю о снисхождении! Я ребенок из многодетной семьи», – репетировал он.

Гуня Гломов уставился на Ваньку и долго шевелил пальцами.

– Блин! Блин! Блин! Ну ты и влип! Ты хоть понимаешь, кого ты ухлопал? – сказал он наконец.

– Все я понимаю! И без тебя тошно! – огрызнулся Ванька.

Но одно он знал точно – Таню Пупперу он не отдал, и уже одно это стоило всех жертв.

* * *

Новость о гибели Пуппера разнеслась по Тибидохсу со скоростью гриппозного вируса. Метла Гурия вспыхнула примерно в половине шестого, Прун прилетел к тетям никак не раньше девяти, а уже одиннадцатичасовой выпуск магвостей был полностью посвящен гибели ведущего нападающего Магфорда.

Гурия Пуппера называли безвременно закатившимся солнцем, а Ваньку Валялкина – циничным убийцей и психопатом. Грызиана, малость поднапрягшая извилины и соскоблившая с них остатки образования, сравнивала Пуппера с Пушкиным и Лермонтовым, а Ваньку – с Дантесом и Мартыновым.

Толпы фанатов рыдали. Многие порывались мчаться хоть на край света и, обыскав океанские глубины, найти Пуппера живого или мертвого. Мелькавшие на экране принц Омлет, Шейх Спирия, О-Фея-Ли-Я, Бэд-Фэт-Рэт и Кэрилин Курло были облачены в траур. Тетя Настурция ревела в полный голос так, что ее слышали даже те, в чьих зудильниках сроду не работал звук. Другую тетю – ту, чья доброта не знает границ, – не показывали вообще. Корреспонденты зудильников не могли набраться мужества, чтобы приблизиться к ней.

Несколько тысяч самых горячих фанатов порывались линчевать Джона Вайляльку и не могли сделать это лишь по той причине, что Сарданапал предусмотрительно блокировал Грааль Гардарику.

Прун, стремясь максимально обелиться, представил дуэль таким образом, что все окончательно запуталось. Он утверждал, что Ванька блокировал боевую искру запрещенным заклинанием и сразу после этого выпустил свою, не дав Пупперу времени приготовиться.

«Это было жестокое преднамеренное убийство!» – заявил Прун в одновременном интервью Пи-Пи-Си, Ку-Ку-Эн и Врейтеру.

Что касается Гуни Гломова, то, говоря по правде, менее подходящего секунданта Ванька просто выбрать не мог. Мало того, что у Гломова была дурная репутация, он еще и ничего не мог толком объяснить.

– А чо? Ну врубили Пупперу искрой, он и кувыркнулся! Утоп, короче. Сами виноваты, что у вас метлы как спички горят, – грубо отвечал он всем корреспондентам.

– Мистер Гломофф, еще вопрос: верно ли, что Джон Вайлялька блокировал искру?

– А Чума его знает! Я лично не видел. Может, блокировал, а может, и нет. А чего, надо было, чтоб ваш Пуппер ему искрой голову оторвал? А теперь валите, пока я вам вломусом не вlepил! – заявлял он.

Неудивительно, что общественное мнение, направляемое журналистами, моментально отвернулось от Ваньки и стало делать из Пуппера героя и мученика. Издательство на Лысой Горе воспользовалось случаем и немедленно скинуло весь запас календариков. Причем в нагрузку к Пупперу продавались залежавшиеся календарики с Графином Калиостровым, Фролом Слепым и даже с Древниром, которые в издательском прайсе почему-то значились как лучшие друзья покойного.

Таня, любившая отоспаться в выходной, ни о чем не подозревала и видела приятные утренние сны, когда ее растолкала Гробыня. Вернувшаяся Склепова

успела уже вселиться в прежнюю комнату. Паж, когда увидел ее, подпрыгнул на полтора метра и едва не рассыпался от счастья. Правда, Пипа из комнаты так и не выселилась – Медузия велела ей ждать до конца года, пока пятикурсники не покинут Тибидохс и на Жилом Этаже не появятся свободные комнаты.

– А пока я могу только поселить тебя в кладовку Жилого Этажа. Но хочу сразу предупредить: там часто появляется инвалидная коляска и жутко пахнет нежитью. К тому же лет триста назад там повесился маг вуду, что крайне негативно влияет на микроклимат, – сказала доцент Горгонова.

Разумеется, услышав такое, Пипа предпочла остаться с Таней и Гробыней, хотя ей и пришлось основательно потесниться со своими чемоданами. Сосланная в район шкафа, Пипа буянила и атаковала Черные Шторы интуитивной магией. Верка Попугаева, сплетница номер один Тибидохса, называла их комнату обиталищем кобры, дикой свиньи и пумы. Кобре она уподобляла Гробыню, пуме – Гроттершу, Пипе же, видно, была отведена третья, не самая лестная роль.

– Вставай, Гроттерша! – сказала Гробыня, бесцеремонно запуская в Таню запуском.

– Отстань! Чего тебе?

– Как отстань? Ты это мне, своей лучшей подруге?.. Мы с тобой овдовели. Похоже, мне теперь придется более серьезно рассмотреть кандидатуру Шейха Спири... Кстати, не помнишь, на Лысой Горе дают напрокат траурные платья или мне придется украсть у кого-нибудь свадебное и перекрасить его чернилами?

– Почему это мы овдовели? – зевая, спросила Таня.

– А, подруга, да ты же ничего не знаешь! Твой Ванька ухлопал Пуппера, – поведала Склепова.

– Мой Ванька? Как ухлопал? – не понимая, спросила Таня. С утра у нее было неважно с чувством юмора.

– Ну ты, Гроттерша, просто как маленькая! И что в тебе парни находят? Или нынче дефективные в моде? Натурально ухлопал! – пояснила Гробыня. – Брык – и

нету! Магвости надо слушать.

- Ты серьезно? Ванька убил Пуппера? Как это? - похолодев, спросила Таня.

- На дуэли, ясный перец. Вообрази: эти олухи бились на Искрис фронтис форте! Хорошо еще, Ничегоусом невечнусом не додумались. Но Гурику и этого хватило. Строгие родственники, мало витаминов... Да и Ванька тоже хорош, гусь... Эй, Гроттерша, что с тобой?

Тане почудилось, что ее мир, заботливо собранный из надежд и веры в чудо, раскололся, как китайская ваза. Длинная трещина рассекла ее изнутри, разделив на две неравные части. Слишком много потерь. Слишком много... Все поплыло у нее перед глазами.

- Вот черт!.. Слабонервная какая оказалась! Можно подумать, я по Гурочке не страдаю. И где я сейчас, интересно, буду искать нашатырь? - укоризненно сказала Гробыня, обращаясь сама к себе.

Но нашатырь оказался не нужен. Когда Таня открыла глаза, первым ее вопросом было:

- Что с Ванькой?

- Да ничего. Правда, Гуня говорит, что Пуппер ему пылесос подшиб. Обрато он еле долетел. И нога обожжена.

- Это все из-за меня! Я никак не могла определиться. Но зачем, зачем они дрались? Может, Гурий жив? Мог же он выплыть? - спросила Таня.

Гробыня всплеснула руками.

- Гроттерша, киска, ты меня умиляешь! Если человек падает в океан с такой высоты, то умеет он плавать или нет - уже как-то по барабану. Не спасет ни свисток с жилеткой, ни магический плот, ни полное собрание сочинений Древнира. Даже окажись на его месте тридцать три богатыря дядьки Черномора, они откинулись бы. Смотри на вещи реально. Наш сладкий Пуппер отбросил коньки, согласно купленным билетам. Если бы он спасся - мы бы уже

об этом знали.

Совесть удавкой захлестнула Таню. Пуппер мертв, Ванька ранен. И все из-за нее. Как она сможет жить дальше? Как она могла быть вчера такой близорукой? А теперь ничего уже не поправишь. Маг в подклеенных очочках, пылкий возлюбленный и звезда зарубежного драконбола навеки сгинул в океанской пучине, пригласив на обед местных акул.

И Таня завывала как вьюга, как раненый зверь. Она каталась по кровати и грызла себе руки. Ей было безразлично, что о ней подумают и как она выглядит. Не считая нужным утешать Таню, Гробыня перевела взгляд на пустой матрас у шкафа.

– А Пипа-то наша какова! Еще с ночи куда-то свалила. Над Жикиным измывалась. Я его видела полчаса назад. Полуживой. Язык набок свешивается, на девушек и не смотрит, хоть виагрой отпаивай... Интересно, знает Пипа про Пуппера или не знает? – затараторила она.

Танины рыдания становились все тише, все глуше. Она поняла, что должна увидеть Ваньку и узнать все от него. Торопливо натянув свитер и джинсы (оранжевые мантии и вообще магическую форму в школе носили разве что под угрозой запуков и на всякие торжественные мероприятия), она кинулась вон из комнаты. Хлопнула дверь. Гробыня задумчиво проводила Таню взглядом.

– Блин, и чего в ней все парни находят! Ну ни кожи ни рожи! Одевается как попало, косметикой не пользуется, свитер как пыльный мешок! Разве что ноги еще ничего и волосы... И из-за этого сокровища Пуппер дал себя ухлопать, а Ваньке чуть ногу не сварили! Ну не понимаю я парней, хоть ты тресни! И чего им надо? – буркнула она.

Глава 3

«ПЕРВОМАГИЯ НОЯ»

Утро, когда искра возмездия настигла Гурия Пуппера, выдалось урожайным на события. Одно из них, крайне важное для всего Тибидохса, хотя, возможно, внешне и неприметное, произошло со знойным красавчиком Жорой Жикиным. Разрываясь между Пипой и Гробыней, ежеминутно трезвонившими ему по зудильнику, Жора бегал туда-сюда по длинной лестнице, то восходя едва ли не к Олимпу, где ждала его Катя Лоткова, то низвергаясь в бездну к Пипе. Правда, низвергаться в бездну было гораздо приятнее, поскольку вниз по ступенькам Жикин бежал гораздо резвее.

– Надо девушек запретить как класс! Они неискренние, ветреные, они сами не знают, чего хотят! Они то мямли, которые растекаются между пальцев, то танкетки, норовящие проехать у тебя по голове! Долой их, и все тут... Сто раз прав Шурасик: женщина погубит человека! – считая ступени, бубнил запыхавшийся Жикин.

Лестница, по которой уже едва таскал ноги Жора, была одной из главных достопримечательностей Тибидохса. И, как следствие, она разделила судьбу всех достопримечательностей мира: старожилы к ней давно привыкли и совсем не обращали внимания. Исключение составляли лишь шустрые первокурсники, которые, округляя глаза, таинственно сообщали друг другу невероятные подробности.

Например, их обычно поражало, что по обеим сторонам лестницы на стенах висят оживающие картины. Некоторые добродушно пыхтят трубками, другие, по примеру Гуго Хитрого, не показываются на холстах и лишь изредка выбрасывают наружу какое-нибудь надоевшее им деревцо или идиллическое стадо овец. Эти портреты – старые мизантропы и ворчуны, которым все на свете надоело, в том числе и собственное долголетие.

Фигуры с других картин торопливо высовываются из рам и хватают их. Чаще получается, что дерево или овец заполучил не тот, кому они были действительно нужны, и тогда между портретами затеваются нудные обмены. Виноградные гроздья меняют на доспехи, доспехи на орденские ленты, лошадиный круп на пару яблок из натюрмортов, и так до бесконечности, пока в конце цепочки не оказываются те самые вожаки овец. За долгие века в результате сотен удачных и неудачных обменов многие картины променялись в буквальном смысле до белого холста, другие же забарахлились до невозможности, и разделанная баранья туша на них запросто может соседствовать с лошадиной сбруей и мечтательными фиолетовыми облаками, в которых нежится слинявший

от Психеи Амур...

Но довольно о портретах. На Главной Лестнице и без них есть на что посмотреть. К гробницам и магическим камням цепями прикованы проклятые мечи времен средневековых магических войн, страдающие без свежей крови. Уничтожить их невозможно, и, один раз вынутые из ножен, они отказываются убираться в них обратно, пока не убьют кого-нибудь.

В нишах прячутся таинственные лари-ворота в иные миры, имеющие привычку не возвращать того, кто имел неосторожность в них спрятаться. Если же кто-то, скажем, просто заглянул в ларь, неведомые миры, о которых мало что известно даже Сарданапалу, мгновенно подменяют ему душу. Вернуть ее назад можно, лишь если очень быстро обмыть пострадавшего росой с трех континентов – живая и мертвая вода здесь бессильна – и произнести заклинание очищения.

Истертые ковры-самолеты, которыми застланы площадки, трясут кистями, пуская в глаза коварную алмазную пыль, которая заставляет видеть в жизни лишь самые отвратительные ее проявления, или некстати взлетают под ногами, пытаясь сломать шею тому, кто обратил внимание на их ветхость. К тому же у ковров-самолетов очень натянутые отношения с магическими пылесосами, вследствие чего они атакуют каждого, кто, приблизившись к ним, будет иметь в руке хотя бы трубу от него.

Притомившийся Жора остановился передохнуть на небольшой площадке, расположенной между двести семидесятой и двести семьдесят первой ступенями лестницы. Когда же, в очередной раз вызволенный Лотковой, бедняга потащился к чердаку, то внезапно увидел двух хмырей, суетившихся у стены. Сняв со стены портрет (шнур, на котором он висел, они просто-напросто перегрызли), хмыри упорно заталкивали его в узкую щель в камнях, из которой скорее всего сами и появились. Портрет в тяжелой раме не проходил, и оба хмыря пыхтели от раздражения. В момент, когда появился Жора, они намеревались уже сломать раму и вытащить из нее холст. Ближайший хмырь – с одним прямым и вторым недоразвитым рогом – был Агух, личный хмырь Чумидель-Торт. Другого, пухлого и вылинявшего хмыря, похожего на сдохшую дня три назад кошку, Жикин видел впервые. При приближении Жоры оба хмыря с беспокойством оглянулись. Они явно не ожидали, что их застигнут врасплох.

– А ну, марш отсюда! Провоняли тут все! – сердито крикнул Жора, зажимая нос.

Обычно трусоватые хмыри избегали связываться с магами, но теперь что-то изменилось. Агух с удвоенным упорством продолжил проталкивать портрет в щель. Другой же хмырь, оскалив желтые зубы, кинулся на Жикина.

У доцента кафедры нежизитоведения Медузии Горгоновой было множество недостатков. Случалось, она бывала нетерпима, раздражительна и пристрастна. Но одного было у нее не отнять: она отлично знала свой предмет и умела отточить магические навыки учеников до автоматизма.

– А, чтоб тебя!.. Мотис-ботис-обормотис! – не задумываясь, крикнул Жора, выпуская красную искру.

Едва услышав заклинание, потертый хмырь перевернулся в воздухе, заверещал и метнулся в щель. Агух с ненавистью зашипел на Жикина и тоже кинулся наутек. Его широкий зад застрял в щели и протолкнулся лишь после того, как в него попала посланная вдогонку искра. К запаху дохлятины добавился запах паленой шерсти.

Жора хмыкнул и самодовольно подул на перстень. Приятно ощущать себе супермагом, даже если справился всего-навсего с двумя хмырями. Отвоеванный портрет продолжал лежать на ступеньках. Жикин поднял его и, перевернув, взглянул на него. Он смутно надеялся, что на картине будет изображена нагая Афродита или на худой конец купающаяся нимфа (только такие картины Жикин признавал за искусство и готов был бы даже понять мотивы позарившихся на них хмырей), но его поджидало разочарование. На потемневшем холсте был смуглый морщинистый старец в восточном одеянии, на переносице которого поблескивали круглые стеклышки.

«Дедок какой-то! Совсем хмыри очумели: что попало таскают!» – мельком подумал Жикин.

Восстановив перегрызенный шнур простеньким заклинанием Какновус, Жора вернул портрет на прежнее место и заблокировал хмыриную щель надежным индоевропейским заклинанием. Баста шмыглось. Ему почудилось, что мудрец взглянул на него с благодарностью.

– Да ладно тебе, батяня! – ворчливо сказал Жикин, слегка подражая Гломову. – Всего парочка хмырей! Будут проблемы – тока свистни!

Портрет, ясное дело, промолчал, и Жора немедленно забыл о нем. Он уселся на ступеньку, подпер руками голову и стал мрачно размышлять, не уйти ли ему в магвостырь. Он размечтался, как будет медитировать и постигать основы магии, худой, бледный, одухотворенный, но по-своему прекрасный, а молодые магессы будут влюбляться в него без памяти и бросать страстные взгляды из-под вуалей.

«Тьфу ты, Чума!.. Опять не то в голову лезет! Я же собирался отменить девушек как класс!» – подумал Жикин и, обращаясь к портрету, вслух сказал:

– Пуппер грозился и не ушел, а я вот возьму и уйду!

Мудрец посмотрел на Жикина и, как тому показалось, с большим сомнением покачал головой.

– А вот грязи не надо! Ты меня плохо знаешь! Я, если что решу, обязательно сделаю! Мое слово – гранит! Заяц трепаться не любит! – сердито заявил Жора.

Губы старца насмешливо дрогнули. Или, может, это блик от факела скользнул по его выписанному маслом и казавшемуся выпуклым лицу? Жикин встал и подошел к портрету. Медная табличка с названием картины была начищена до блеска тибидохскими домовыми. Правда, те же старательные домовые за долгие века стерли с таблички все буквы.

– Ты кто? Древнир? У Древнира лицо другое было, я в книгах видел... Гуго Хитрый? Нет, у Гуго щеки ни в какую рамку не влезли бы. Ну да не важно, и так понятно, что ты важная магическая шишка. Может, царь Горох? Не-а, тот небось был бы в лаптях с алмазами и в ушанке Мономаха! – принялся рассуждать Жора.

Задетый за живое, старец с портрета протянул руку и настойчиво указал пальцем на противоположную стену. Нельзя сказать, что Жикина это сильно впечатлило. В магическом мире ко многому привыкаешь. Если даже наспех напечатанные календарики с Пуппером оживают, то от работ великих мастеров ожидаешь большего. Все же, заинтересовавшись, Жора обнаружил там, куда показывал портрет, небольшую нишу, в которой висела другая, совсем уже непримечательная картина. Это был потемневший, засиженный мухами натюрморт. На тяжелой бархатной скатерти лежали фрукты, гипсовая маска сатира, кувшин и книга. Казалось, художник обратился к случайным предметам

и, скомпоновав их без особой последовательности, нарисовал их предельно тщательно и старательно. На потрескавшемся переплете книги прочитывалось: «ПЕРВОМАГИЯ НОЯ».

– А, так ты... вы Ной! – догадался Жикин. Теперь у него уже язык не поворачивался называть Ноя на «ты».

Всем, кто ходил на историю магии, было известно, что Древнир, величайший из волшебников, собравший и обобщивший всю разрозненную магию, начинал не с чистого листа. У него был учитель и великий предшественник – Ной.

Портрет рассеянно кивнул и с каким-то особым, многозначительным видом поправил пальцем пенсне. Жора хотел уже спросить, было ли во времена Ноя пенсне, и вообще потрепаться чуток с великим человеком, чтобы потом вскользь упомянуть в разговорах с девчонками (эдак мельком, точно об обычном деле: «Я тут Ноя недавно спас. Уж он меня благодарил, благодарил»), но тут Лоткова принялась плотно названивать ему по зудильнику, интересуясь, где он застрял.

– Жикин Жорий! Это я, Катя! Ты меня слышишь? Почему молчишь?

– Да здесь я, здесь! Не молчу! – проворчал Жикин.

– Вот и умничка! Даю тебе две минуты, а потом начинаю целовать всех подряд! Время пошло! Мальчики, приготовились!

Разумеется, это был блеф в обычном лотковском духе. В пятом часу утра на чердаке Большой Башни в мальчиках ощущался явный недостаток. Самое большее, что можно было там обнаружить, – это парочку привидений, таких дремучих, что они уже даже не помнили, какого пола были в минувшей жизни.

Но на Жикина угроза все равно подействовала.

– Иду, иду! А этим «всем подряд» скажи, что я их с Башни сбрасываю без Чебурыхнуса парашютиса! – ревниво крикнул он.

– Обязательно скажу, Жорочка!.. Гуня, прячься! Иди к Гробыне! Тебя сейчас будут бить и сбрасывать с Башни! – насмешливо сказала Лоткова. Она и

представления не имела, что Гломов в этот момент вместе с Пруном безуспешно отыскивает подбитого искрой Пуппера.

– Шуточки, все шуточки! – не очень уверенно пробормотал Жикин. Гуню он боялся, даже очень.

Ной на портрете смотрел на него не без интереса, даже, пожалуй, с сочувствием.

– Ну, я это... пошел я... Девушки, они, понимаешь, не ждут, и все такое... – сказал Жора.

Ной понимал. Видно, на Востоке женщины тоже доставляли немало проблем. Это все сказки для маленьких, что они там целыми днями смиренно сидели на женской половине и ткали ковры.

С опаской размышляя, что произойдет, если на чердаке действительно окажется Гломов, Жора без особого энтузиазма шагнул на следующую ступеньку, как вдруг услышал звук, который бывает от падения чего-то мелкого.

– Во блин оладушек! Я что-то уронил! – решил Жикин.

Он наклонился и после недолгих поисков нашарил небольшой осколок стекла с закругленными краями, внешне вполне заурядный.

– Разве у меня такой был? Хм... Ну не было – так будет! – сказал он себе. Машинально сунув стекло в карман, донжуан буяновского разлива поплелся по своим амурным делам.

Промурывив его минут десять и так и не поцеловав, коварная Лоткова устроила Жоре сцену у фонтана и прогнала к Пипе. Когда же Жикин послушно спустился, то не обнаружил и Пипы. Мадемуазель Дурнева отбыла в неизвестном направлении, не оставив ни надушенного кружевного платка, ни записки, ни даже скромного хрустального башмачка сорок первого размера.

Подбадривая себя заклинаниями Кофеус эспрессо и Взбодреус виагрис, а также совершенно убойным Жабскобс неткофе, Жикин кое-как добрался до своей

комнаты, из которой довольно давно уже выжил всех соседей, и, едва раздевшись, упал лицом на подушку.

«Девушек на мыло! В магвостырь! К Пупперу!» – мрачно подумал он и мгновенно уснул.

* * *

Выспаться Жикину не удалось. Буквально через два часа на книжной полке что-то взорвалось. Повалил сиреневый дым, пахнувший драконами, горными троллями и подмосковными кикиморками из талдомских болот. В результате язык Жикина стал в самом буквальном смысле наматываться на подушку. Присев на кровати и кое-как сфокусировав зрение, невыспавшийся Жора обнаружил, что по комнате расползаются гадюки и скорпионы.

Перепрыгивая через скорпионов и отгоняя гадюк своей пикирующей шваброй, Жикин прорвался к шкафу и обнаружил, что срок сдачи книги «Теория заповуков» истекает через пять с половиной минут. Взыв от ужаса, Жора с воплем кинулся одеваться. Брюки подозрительно шевелились. Орудую шваброй, Жикин вытряхнул из штанины двух гадюк и занялся поиском рубашек.

К шкафу было никак не пробиться – все его полки кишели скорпионами. Пришлось Жоре надеть дурацкую рубашку, разрисованную красными маками, которую подарила ему Верка Попугаева. Но ничего другого под рукой просто не было. Оставшихся трех минут едва хватало, чтобы добежать до библиотеки.

Зажав под мышкой книгу, Жора затрусил к джинну Абдулле. После сегодняшней спортивной ночи он еле таскал ноги.

Библиотечный джинн парил над конторкой и раскладывал по ящикам читательские формуляры. Основных ящиков было четыре: «Возвращено», «Читальный зал», «Должники» и «На проклятие». Этот последний ящик Абдулла пополнял с особым воодушевлением. Его кислое лицо в эти секунды становилось почти приятным.

Когда Жикин вбежал в библиотеку, Абдулла уже нежно держал в руке его формулярчик и поглаживал его по корочке. Рядом лежала тетрадка с

проклятиями, открытая на нужном месте.

– Успел-таки? Ах-ах-ах! К чему такая спешка? Погодил бы еще минуток пять. Разве я зверь, разве у меня души нет? – укоризненно спросил Абдулла. Здесь джинн явно попал под власть ораторского приема. Душ у джиннов не было и в помине, иначе они так не стремились бы заполучить чужие.

Жикин положил перед ним книгу. Джинн взял ее большими пухлыми руками, пролистал и задумчиво спросил:

– Ты что принес, голубок?

– Как что? «Теорию запусков»!

Абдулла захихикал.

– Милый, ты, верно, очень спешил! Ах-ах-ах! И после этого утверждают, что рассеянность не порок! – заметил он и, посмотрев на часы, потянулся к тетрадке с проклятиями.

Жикин похолодел. Сердце у него ушло в пятки и заметалось, точно пристегнутое к резинке. Он понял, что в спешке не проверил, что схватил с полки.

– НЕ-Е-Е-Е-ЕЕТ! Я нечаянно! – завопил он.

Абдулла улыбнулся переползшим на щеку ртом и нежно посмотрел на рубашку с маками.

– Да пошутил я, пошутил! И чего вы все такие нервные? – томно сказал он. – Живи дальше, Жорик! Я сегодня какой-то гуманный, какой-то человечный! Сам себя не узнаю. Ну что, рад?

– Ага, – едва выговорил Жикин.

– Подумай сам, голубчик. Если я прокляну всех лучших людей Тибидохса, то кто останется? Одни Гроттерши и Баб-Ягуны! Фи, мон ами! С этим прикупом в покере делать нечего.

Джинн открыл жикийский формулярчик, вытащил из него листок и прямо ладонью, безо всяких ухищрений, шлепнул печать «СДАНО В СРОК». Потом Абдулла взял «Теорию запуков», положил на ладонь и, легонько подув, отправил на место в стеллаже.

- Ты свободен, мон ами! Если, разумеется, не желаешь взять еще что-нибудь! Библиотека большая, проклятий на всех хватит! - радушно предложил он.

«Нет, ничего мне не надо!» - едва не заорал Жикий, но вместо этого, подчинившись безотчетному порыву, произнес:

- Погодите!.. Дайте мне «Первомагию Ноя»!

Абдулла отловил на затылке свои уплывшие глаза и, вернув их на место, остро взглянул на Жору.

- Как ты сказал, пупсик? - переспросил он.

- «Первомагия Ноя».

Джинн фыркнул:

- «Первомагия Ноя»? Что за бредовое название! Такой книги не существует! Могу предложить общую темную магию в семнадцати томах. Вступительная статья Самсона, комментарии Далилы. Только будь осторожен, мальчик... Книжка довольно милая, но со своими тараканами. Она заговорена так, что тот, кто не дочитает хотя бы страницы, покрывается проказой. Литературное самолюбие, знаешь ли, опасная вещь.

- Значит, «Первомагии Ноя» нет? Может, вы посмотрите в каталоге? - искренно удивился Жора.

- Мне нет необходимости куда-то смотреть! Я знаю абсолютно все книги в библиотеке! Самый полный каталог находится здесь! - с апломбом заявил Абдулла, демонстрируя Жикийну свою гладко выбритую бугристую голову.

«Ну на „нет“ и суда нет», – подумал Жикин и спросил:

– А вы лично были знакомы с Ноем?

– Разумеется, вьюноша. Я знал даже тех, кто этого не заслуживал. Ной же был фигурой исключительно заметной! Я был знаком еще с его родителями! – назидательно сказал Абдулла.

– Но ведь был потоп! – удивился Жикин.

– Друг мой! Потоп уничтожил людей, но никак не джиннов! Хоть мы и не любим сырость, вреда она нам не причиняет... Бррр! Помню я его ковчег! Каждой твари по паре! Коровки мычат, тигрицы рычат, змеи шипят... А Ной с блаженным видом сидит во всем этом бедламе и выпускает изредка голубей, чтобы проверить, не просохла ли земля! Великий человек! – ностальгически вспоминал Абдулла.

– Может, он писал книгу и никому ее не показывал? – спросил Жора.

– Кто, Ной писал? – расхохотался Абдулла. – Он был вообще не по этой части. Скорее уж я поверю, что старина Сократ строчил детективы.

– А как же пенсне? Где он испортил себе зрение? – спросил Жикин.

Абдулла мрачно и подозрительно уставился на него.

– Ной никогда не носил пенсне! Усвойте это, юноша! У него было зрение, как у арабского лучника! Да и вообще в те века не существовало каких-то жалких стеклышек! Люди были мощные, здоровые, жили по девятьсот лет и умирали в полном расцвете сил!.. – назидательно сказал он.

– А умирали отчего, если в полном расцвете? – безнадежно спросил Жикин. Он уже понял, что Абдулла ни за что не скажет ему ничего лишнего.

Джинн хмыкнул:

– От чего-нибудь да умирали, лапочка. От скуки, от яда, от кинжала... Надо же от чего-то умирать?.. А теперь, будь любезен, не отвлекай меня. Где тут у меня

была коробочка с новыми формулярами? До сих пор не заполнил первый курс! Вечная морока с этими новенькими – и проклясть их толком нельзя. Вчера припечатал было одного – Горгониха едва глаза мне не выцарапала!.. Подумаешь, мальчишка-инвалид! Если ты на костылях и не можешь спуститься по лестнице, это еще не повод, чтобы задерживать пропись рун на четыре с половиной минуты!.. Так или не так? Сегодня я буду давать поблажку инвалидам, а завтра дисциплина совсем исчезнет и эти юные пройдохи сожгут мою библиотеку!

Потоптавшись на месте, Жикин убедился, что Абдулла решительно не обращает на него внимания, и приготовился уйти. В этот момент джинн поднял голову и, зевая, спросил:

– Да, кстати, с чего ты решил, что книга с таким названием существует? И про это... как его там... пенсне?

Не видя причин ничего скрывать, Жора рассказал ему о портрете. Одновременно он не удержался и слегка приукрасил свою битву с хмырями, утроив их число. Однако Абдулле это, судя по всему, заинтересовало мало. Он снова зевнул, да так, что сквозь его распахнутый рот Жикин увидел даже книжные полки.

– А-а, ну-ну!.. Ладно, ступай, умничка!.. погоди! Я не говорил, что у тебя очень красивая рубашка? – сказал джинн и уткнулся в свои ящички.

Уже направляясь к выходу из библиотеки, Жикин случайно вспомнил о стекле, которое подобрал рядом с портретом. Если у Ноя не было пенсне, откуда взялся осколок? Жора сунул руку в карман и извлек из него половину круглого стекла. Он уже собрался спрятать его обратно, как вдруг, случайно взглянув, с удивлением обнаружил в стеклышке отражение джинна Абдуллы. Джинн с удивительной для его возраста поспешностью метнулся к стеллажам, обогнул первый ряд полок и, вытащив старинную книгу, поспешно переложил ее повыше, повернув корешком внутрь, чтобы невозможно было прочитать название.

Жора пораженно обернулся. Джинн Абдулла продолжал как ни в чем не бывало сидеть за своей конторкой и перебирать карточки. Он даже и не подумал сдвинуться с места. Между тем его отражение в стекле, прихрамывая, еще только возвращалось от стеллажей.

– Что случилось, Жикин? – резко спросил Абдулла, поднимая голову.

– Ничего! – выпалил Жора.

– В самом деле ничего? А что ты только что спрятал в ладони? – подозрительно спросил джинн.

Жора поспешно сжал ладонь.

– Брелок-определитель магии вуду, – не задумываясь, соврал он и поспешно выскочил из библиотеки. Здесь он нырнул за флегматичного атланта, подпиравшего своды Тибидохса, и вновь устоялся на осколок стекла.

Теперь он ничего не отражал, но Жикин и без того уже сообразил, какое сокровище попало к нему в руки. Стеклышко явно показало не то, что было, а то, что должно или могло было быть. Оно продемонстрировало Жикину, что Абдулла врет, и даже указало место, где он прятал книгу. И это жалкий осколок! А что было бы, окажись у Жикина все пенсне целиком! Какие бы новые возможности он обрел!

Жора бросился к Главной Лестнице. После утренней тренировки ноги ныли, но ступени он преодолел довольно быстро. Портрет Ноя висел на прежнем месте. Жикин жадно уставился на его переносицу и обнаружил, что на картине у пенсне отсутствует часть правого стекла. Он вновь вытащил осколок и убедился, что по форме он идеально подходит.

– Это оно? Ной, скажи, это оно? – звонким шепотом спросил Жикин.

Портрет молчал. На масле появились трещины. Теперь, при дневном свете, когда на портрете не плясали отблески факела, он казался плоским и безжизненным.

Вспомнив о другой картине, Жикин бросился к ней. Кувшин и маска благополучно пылились на прежнем месте. По нарисованным фруктам разочарованно ползала живая муха. Жикин скользнул взглядом по книге и оцепенел. Название «ПЕРВОМАГИЯ НОЯ» с переплета исчезло. Вместо него там можно было прочитать:

«Заговоры на болотную тину. Рецептурный справочник для ведунов и знахарей».

Жора сплюнул. Эти «Заговоры» были известны в Тибидохсе как бесполезный и очень распространенный труд. Картина явно измывалась над Жикиным.

Глава 4

ЭТО ТУХЛОЕ СЛОВО «ПРОЩАЙ!»

А Таня металась по Тибидохсу и все никак не могла встретиться с Ванькой. Словно насмешливые духи разводили их пути: Таня прибежала за Ванькой в Зал Двух Стихий едва ли не в ту минуту, когда он сам постучал в дверь ее комнаты.

В комнате была лишь Склепова. Она лежала на кровати и занималась своим любимым делом – красила ногти. Кисточка, за которой она следила глазами, порхала в воздухе и красила ей ногти на ногах светящимся лаком в цветовой последовательности радуги: «Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Большой палец правой ноги покрывался красным лаком, указательный оранжевым, средний желтым, безымянный зеленым и мизинец голубым. Ногти левой ноги начинались уже с синего и фиолетового. Дальше все повторялось.

Не так давно Гробыне пришло в голову, что она давно ничего с собой не делала и ее неотразимость принимает застойные формы. Мадемуазель Склеповой это не понравилось.

«Гробынюшка давно уже над собой не измывалась! Для симпатичной девочки ее лет это даже опасно. Река жизни свернула в тупиковое русло и норовит слиться с болотом!» – сказала она сама о себе и приступила к действиям.

Решительно раздарив все свои платья (а те, с которыми у нее были связаны неприятные воспоминания, она просто-напросто изрезала ножницами), Склепова потребовала у Шейха Спири оплатить ее покупки по Лысегорскому каталогу. Сумма вышла такой круглой, что даже у привычного к расходам Шейха глаза полезли на лоб. Впрочем, как потом оказалось, одна из ведьмочек-кассирш ничтоже сумняшеся приписала к окончательному счету пару ноликов.

Лысегорские пройдохи давно уже перелицевали поговорку «Кашу маслом не испортишь» в поговорку «Нолик счета не испортит».

«А ты как хотел, Спирия? Дорогая девушка стоит дорого, даже если тебе ничего не светит! К тому же кто знает, возможно, лет через десять мое сердце и растает, если ты перестанешь быть скрягой!» – заявила Гробыня страждущему Шейху.

Одновременно не без помощи Великой Зуби, которую просила об этом Ритка Шито-Крыто, на волосы Гробыни было наложено легендарное заклинание семи пятниц. Суть этого заклинания, впервые открытого придворным алхимиком семейства Борджиа, заключалась в том, что прическа Склеповой, длина и цвет ее волос непредсказуемо менялись каждую пятницу независимо от воли и желания самой хозяйки. Вставая в пятницу утром с постели, Гробыня сразу кидалась к зеркалу, после чего Таня обычно просыпалась от ее вопля – восхищенного или не очень.

Заметив заглянувшего в комнату Валялкина, Гробыня с любопытством прищурилась на него.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Всегда в движении (лат.).

Справочник мага-травника. Изд.13-е, усеченно-дополненное; под общей ред. проф. Клоппа. Лысая Гора, 1894 г.

Купить: https://tellnovel.me/ru/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-pensne-noya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)